

ЖАВОРОНОКЪ

ДѢТЕКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1913 г.

Къ свѣдѣнію Г.г. подписчиковъ.

Контора журнала „ЖАВОРОНОКЪ“ считаетъ долгомъ напомнить лицамъ, пользующимся разсрочкой платежа, о взносе денегъ за второе полугодіе.

Деньги должны быть получены конторой отъ иногороднихъ подписчиковъ не позднѣе 10-го Іюня, т. к. съ этого времени не поступающій въ розничную продажу журналъ „ЖАВОРОНОКЪ“ будетъ печататься въ количествѣ экземпляровъ, не превышающемъ числа годовыхъ подписчиковъ, и потому позднія заявленія о желаніи продолжать подписку приняты не будутъ.

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ УСПѢХЪ журнала „ЖАВОРОНОКЪ“ даетъ возможность **выдать годовымъ подписчикамъ бесплатно добавочную премию, интересную игру:**

„ВЪ КРУГУ ПИСАТЕЛЕЙ“.

Эта игра, составленная изъ отдѣльныхъ портретовъ русскихъ писателей, давая веселую забаву дѣтямъ, знакомитъ ихъ съ русской литературой, оставляя въ памяти названія сочиненій извѣстныхъ авторовъ, ихъ имена и годы рожденія и смерти.

ПРЕМИЯ БУДЕТЪ ВЫДАНА ВЪ ДЕКАБРѢ.

Висковскій.

„Не сорвались... *милли*“

И. Сноменъ.

Весна.

Ушли снѣга... Съ воскресной пѣсней
Червонцемъ вспыхнула рѣка...
Родятся сказки все прелестнѣй
И все узорнѣй облака...
Осыпанъ въ ночь росой медвяной,
Лучъ улыбнулся, какъ дитя,
И пчеламъ медъ благоуханный
Отдали ландыши, шутя...
Кукушка вечеромъ кукуетъ,
Мерцаютъ въ полдень мотыльки
И точно неба поцѣлуи
Родились въ полѣ васильки...
Заговорили съ небомъ воды
Наперекоръ угрюмой мглѣ
И свѣтлыхъ духовъ хороводы
Съ улыбкой счастья и свободы
Летятъ... зовутъ „къ землѣ!..
къ землѣ!“

Сергій Михневъ.

ВЕСЕННИЕ ЦВѢТЫ.

Кладъ.

Разсказъ С. И. Гусева-Оренбургскаго.

I.

Въ глуши уральскихъ горъ, межъ угрюмыхъ уваловъ, покрытыхъ какъ шапкою темнозеленымъ лѣсомъ, по берегамъ горнаго ручья разбросалась рабочая слободка. Вблизи, на самыхъ задахъ ея, на горномъ склонѣ высился мрачный заводъ съ закоптѣлыми стѣнами съ гигантской трубой, высоко поднимавшейся къ небу. По цѣлымъ днямъ здѣсь гудѣли машины, звучали свистки, гремѣло желѣзо, вонючій дымъ заволакивалъ небо. Все зданіе дрожало, стонало, ревѣло словно адское чудовище, попавшее въ плѣнъ, билось и рвалось тамъ въ стѣнахъ завода, потрясало цѣпями, сковавшими его, корчилось и извивалось отъ боли, когда его били молотами, сверлили и пилили...

На широкой слободской улицѣ,—лицомъ къ заводу, стоялъ веселенькій

флигелекъ. Все въ немъ и вокругъ него какъ будто улыбалось, смѣялось, цвѣло румянцемъ радости, начиная съ розовыхъ стѣнъ, веселенькихъ окошекъ, голубыхъ ставней и рѣзного крылечка вплоть до темно-зеленой крыши, ярко-бѣлой трубы и кустовъ малинника и сирени въ палисадѣ. Внутри было еще веселѣй, здѣсь все дышало миромъ, уютомъ и счастьемъ молодой цвѣтущей жизни, все носило печать заботы чихъ-то милыхъ ручекъ... Здѣсь все пѣло, улыбалось; бѣленькія занавѣски, цвѣтныя половики, герань, петунія, резеда по окнамъ, канарейка въ клѣткѣ, портреты по стѣнамъ. По цѣлымъ днямъ это уютное гнѣздышко оглашалось счастливымъ лепетомъ и смѣхомъ ребенка,—кудряваго, черноглазаго мальчика, или тихимъ напѣвомъ молодой женщины, склонившейся надъ работой...

Мрачень былъ за послѣднее время только хозяинъ этого дома,— молодой торговецъ, Павелъ Желѣзнякъ, недавно лишь поселившійся въ этихъ мѣстахъ съ молодою женой и сыномъ.

Полный жизни и здоровья,—Желѣзнякъ всегда отличался веселымъ, общительнымъ нравомъ, смѣхъ и шутки его вмѣстѣ съ честностью,—рѣдкой въ этомъ быту,— скоро привлекли къ нему расположеніе всего слободскаго населенія. Счастливая семейная жизнь, милая, кроткая жена, хорошенькій, какъ херувимчикъ, мальчикъ заставляли слобожанъ говорить про Желѣзняка съ легкимъ вздохомъ зависти:—Счастливый человѣкъ!.. Однако самъ онъ давно пересталъ считать себя счастливымъ. Темное безпокойство заползло въ душу его, черная дума свила тамъ себѣ гнѣздо.

Не слышать стало его смѣха. Часто, сидя по вечерамъ у раскрытаго окна и вдыхая свѣжій, здоровый воздухъ, забѣгавшій съ вѣтеркомъ изъ горныхъ ущелій,—онъ отдавался своимъ мрачнымъ думамъ... Никто бы не сказалъ, о чемъ онъ думалъ, не спуская глазъ съ темныхъ стѣнъ завода, прислушиваясь къ стенаніямъ и реву чудовища, заключеннаго тамъ... Чьи-то вздохи и жалобы, казалось, вылетали изъ дверей и оконъ, чье-то смрадное дыханье вырывалось изъ трубы вмѣстѣ съ клубами дыма... Онъ смотрѣлъ и слушалъ, и складка ложилась у него межъ бровей.

Съ каждымъ днемъ Желѣзнякъ становился угрюмѣй и задумчивѣй... Чуткое сердце жены давно замѣтило перемѣну въ мужѣ. Долго бѣдная женщина старалась вывѣдать, какое горе поселилось въ душѣ его. Онъ молчалъ и только однажды, разговорившись, сказалъ ей угрюмо:

— Развѣ это жизнь?! Цѣлые дни работаешь, не покладая рукъ,—по грошамъ собираешь нищенскій достатокъ. День за днемъ, годъ за годомъ... до старости, до могилы!.. Да и не узнаешь лучшей доли!.. Видѣлъ я, какъ живутъ богачи: жизнь ихъ катится, какъ веселый праздникъ, весь міръ въ ихъ распоряженіи... Тряхнуть золотымъ мѣшкомъ—и вырастаютъ заводы, горы отдаютъ свои сокровища... Кивнуть,—къ ихъ услугамъ бросаются тысячи слугъ... Сильные міра преклоняются передъ ними!.. Тошно, тошно мнѣ стало жить!..

И прислушавшись, какъ въ этотъ моментъ заревѣлъ гудокъ заводскій,— онъ молвилъ, мрачно сверкнувъ глазами:

— Слышишь? Это кричитъ богатство!..

— Павелъ, Павелъ!..—говорила жена:—тобой овладѣваетъ злой духъ!.. Не слушай его!.. Мы счастливы... мы любимъ другъ друга... Чего не достаетъ намъ?.. Хотя малъ нашъ достатокъ,—но мы его честно зарабатываемъ!..

Онъ только презрительно улыбался и снова погружался въ свои думы...

Разъ ночью онъ сидѣлъ у окна. При лунномъ свѣтѣ, отражавшемся въ безчисленныхъ окнахъ, заводъ казался заснувшимъ чудовищемъ. Горы спали, одѣтыя сумракомъ... Звѣзды сіяли въ вышинѣ. Вдругъ какъ будто тѣнь закрыла лунный свѣтъ, и передъ Желѣзнякомъ появилась фигура человѣка, одѣтаго, какъ простой рабочій, въ засаленной курткѣ, въ фуражкѣ съ полуоторваннымъ козырькомъ... Однако же, взглянувъ въ него, Желѣзнякъ почувствовалъ какую-то дрожь въ сердцѣ: его поразилъ дикій блескъ глазъ незнакомца и страшная улыбка, кривившая его губы...

— Узнаешь?!—спросилъ онъ.

И пока Желѣзнякъ, взглядываясь въ него, старался вспомнить, гдѣ онъ его видѣлъ, тотъ близко наклонился къ его лицу и зашепталъ:

— Я знаю... понимаешь?.. Я знаю твои тайныя думы, твои самыя сокровенныя мысли!.. Я могу тебѣ доставить все, что только ты пожелаешь имѣть!.. Пойдемъ со мной!..

— Кто ты?!—вскричалъ Желѣзнякъ, чувствуя невольный ужасъ...

— Я?!—Онъ засмѣялся какимъ-то зловѣщимъ смѣхомъ.—Я пріисковый... Не простой пріисковый!.. Я знаю слово, которое открываетъ мнѣ доступъ въ тѣ сокровищницы, гдѣ хранятся золото и драгоценныя камни... Смотри!..—Онъ указалъ на горныя вершины, озаренныя луннымъ свѣтомъ.

— Я знаю тайны этихъ горъ... Я знаю ходы въ нѣдра земныя, гдѣ проходятъ золотыя жилы,—въ тѣ тайныя пещеры, гдѣ въ темнотѣ блестятъ брилліанты, сверкаютъ аметисты, синѣютъ сапфиры... Я знаю тѣ подземелья, гдѣ подъ ногою хруститъ серебро, а съ потолка, вмѣсто капель сгустившейся влаги, падаютъ ранункулы и рубины... И стоитъ сказать мнѣ слово, какъ разступятся съ трескомъ скалы...

— О, теперь я узналъ тебя!..—вскричалъ Желѣзнякъ.—Мнѣ знакомъ твой голосъ: это ты нашептывалъ мнѣ свои рѣчи въ безсонныя ночи, это ты говорилъ со мною въ свисткахъ завода, въ ревѣ машины и дышалъ на меня вонючимъ дымомъ заводской трубы!.. Кто ты?.. Мнѣ все равно!.. Я готовъ на все... Быть можетъ,—ты дьяволъ?! Отдаю тебѣ душу... Возьми ее, только дай мнѣ... золота... золота!..

Незнакомецъ захохоталъ страшнымъ смѣхомъ...

— Зачѣмъ мнѣ твоя душа?! Развѣ она—золотая или оправлена въ аметисты?.. Я не беру такихъ закладовъ... Нѣтъ!.. Но слушай...

Онъ еще ближе нагнулся къ нему и зашепталъ:

— Ты долженъ забыть все, что любишь, что жалѣешь,—и идти за мной! Я—царь этихъ горъ!.. Я—горный духъ... Духъ золота!.. Называй меня, какъ хочешь... Я отдамъ тебѣ свои сокровища даромъ. Они давятъ меня!.. Они лежатъ на моей груди и мѣшаютъ дышать!.. Ты возьмешь ихъ и... смотри!.. Тыстроишь повсюду такихъ же заводовъ, чтобы они своими желѣзными насосами высасывали изъ меня золотые соки... Тыстроишь ихъ сотни... тысячи... Ты будешь повелитель миллионовъ людей,—тебѣ поклонится міръ... Пойдемъ!..

— Куда?—говорилъ Желѣзнякъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Туда!.. За мною!.. Въ горы!..

— Я сейчасъ... Прощусь лишь...

— Нѣтъ!.. Кто хочетъ идти за мной, долженъ заледенить сердце, долженъ забыть все, что любить, долженъ дать себѣ страшную клятву не оглядываться, хотя бы назади слышались стоны и слезы... Клянись!..

— Клянусь!!.—вскричалъ Желѣзнякъ въ какомъ-то изступленьи...
И они пошли.

II.

Мѣсяць сіялъ холоднымъ блескомъ... Горы спали...

Какъ будто тайна какая одѣвала угрюмыя вершины,—какъ будто вздохъ временами пробѣгалъ по балкамъ, покрытымъ лѣсомъ и тьмою,—вздохъ пустынности...

Дальше и дальше велъ Желѣзняка незнакомецъ.

Они проходили по дну пропастей, гдѣ въ вѣчномъ мракѣ струились ручьи и, журча, падали каскадомъ по скользкимъ уступамъ. Они взбирались на вершины базальтовыхъ утесовъ, съ которыхъ далеко виднѣлись въ лунномъ блескѣ горы... Временами приходилось имъ пробираться сквозь цѣлый лѣсъ молодого ельника,—или идти среди стволовъ-колоннъ сосноваго бора,—какъ будто въ пустынно-мрачномъ залѣ, населенномъ призраками, безшумно кружившимися въ лунномъ блескѣ...

На послѣдокъ длиннаго пути они спустились по узкой тропинкѣ вдоль отвѣснаго утеса въ мрачную воронкообразную пропасть; тутъ незнакомецъ завелъ Желѣзняка въ пещеру, гдѣ затхлый мракъ оглушилъ его.

— Здѣсь начинается царство золота!..—глухо раздался подъ сводами голосъ незнакомца.—Не отставай... Иди за мной!..

Они пошли безконечно-длиннымъ коридоромъ подземной шахты, гдѣ почти скользили въ какой-то вонючей жижѣ, а со сводовъ капали холодныя, какъ ледъ, водяныя капли... Временами сводъ былъ такъ низокъ, что приходилось ползти. Тогда Желѣзнякъ съ дрожью гадливаго ужаса чувствовалъ, какъ изъ подъ рукъ его, скользя, вырывались холодныя гады и со страннымъ пискомъ скользили по стѣнамъ. Временами стѣны и своды раздвигались, убѣгали, и они выходили въ обширныя пещеры, въ которыхъ сталактиты, остріями и копиями свѣшиваясь со сводовъ, тускло блестя въ мѣсячномъ лучѣ, проникавшемъ черезъ невидимыя отверстія... Потомъ они стали спускаться въ глубь по крутому спуску—какъ будто ведшему къ сердцу земли. Вскорѣ передъ пораженнымъ взоромъ Желѣзняка открылось обширное пространство, наполненное какимъ-то страннымъ разноцвѣтнымъ свѣтомъ... Все вокругъ—и полъ, и сводъ, и стѣны—горѣло, блестя, сіяло какимъ-то таинственнымъ фосфорическимъ свѣтомъ, голубоватымъ, зеленымъ, желтымъ, темнокраснымъ, синимъ...

У Желѣзняка захватило духъ.

— Видишь?..—шепталъ ему спутникъ.—Это царство золота и драгоценныхъ камней!.. Смотри, какъ блестятъ на стѣнахъ и сводахъ эти камни, какъ сіяютъ, какъ переливаются!.. Иди!.. Копай!.. Добывай!.. Вотъ тебѣ мѣшокъ съ инструментами, тутъ найдешь все, что надо... Бери же сколько хочешь этихъ сокровищъ!.. Но помни одно: если ты хоть разъ дозволишь сердцу своему забиться сильнѣе, если хоть разъ допустишь туда любовь или жалость...—всѣ эти камни потухнутъ и золото уйдетъ въ землю... Прощай!.. Теперь я оставлю тебя и пойду къ другимъ!.. Иди!..

Шаги незнакомца замерли вдали...

Желѣзняку показалось, что гдѣ-то прозвучалъ зловѣщій хохотъ, откуда-то пронесся тяжелый стонъ...

Морозъ пробѣжалъ по спинѣ его. Онъ оглянулся.—Что дѣлать?..

Глаза его разбѣжались.

Всюду сокровища лежали передъ нимъ. Подъ ногами хрустѣлъ золотой песокъ. Вокругъ чернаго, какъ чернила, подземнаго озера, возвышались серебряныя скалы.. Въ сырыхъ стѣнахъ сияли брилліанты, сапфиры, топазы, — красныя, какъ кровь, зелено-желтыя, блестящія или темныя... Онъ не могъ отвести отъ нихъ глаза!.. Вынувъ изъ мѣшка кайло, онъ подошелъ къ склизкой стѣнѣ утеса, усѣянной драгоценными камнями, и изо всѣхъ силъ ударилъ по ней... Блестки и искры полетѣли дождемъ... Онъ бросился и сталъ подбирать сапфиры, набивая ими карманы... Какъ жадный звѣрь, подбиралъ онъ аметисты, упиваясь ихъ блескомъ, забывъ все на свѣтѣ...

Вдругъ что-то твердое попало ему въ руку...

Онъ поднялъ, взглянулъ и вскричалъ отъ ужаса...

— Черепъ!.. Человѣческой черепъ!..

Какъ будто съ насмѣшкой глядѣлъ на него черепъ глазами впадинами и улыбался оголенными зубами... Онъ отбросилъ его отъ себя въ гадливомъ ужасѣ, и черепъ покотился съ глухимъ стукомъ, прыгая по камнямъ, какъ живой, и съ шумомъ упалъ въ черныя воды подземнаго озера...

Въ тотъ же моментъ Желѣзнякъ увидѣлъ вокругъ себя на всемъ протяженіи, какое только охватывалъ взоръ,—человѣческія кости. Черепа, перемѣшивались здѣсь съ костями рукъ и ногъ и съ оголенными остовами... Сквозь ребра остововъ и впадины череповъ свѣтились червяки... Изъ страшно раскрытыхъ зубатыхъ ртовъ вылетали и кружились въ воздухѣ летучія мыши...

Желѣзнякъ сталъ дрожать отъ ужаса...

Вдругъ всѣ эти остовы, черепа и кости стали шевелиться, лязгать, хрустѣть и, бряцая, соединяться!.. Желѣзнякъ увидѣлъ передъ собою отвратительные скелеты: они обступили его и, смѣясь страшнымъ смѣхомъ своихъ обнаженныхъ челюстей, кружась, плясали въ таинственномъ блескѣ брилліантовъ и рубиновъ...

— Ты нашъ!..—говорили они, скрипя зубами,—тебя, какъ и насъ, привела въ это мрачное мѣсто жажда золота... Проклятая жажда!.. Она измучила, истомила насъ, она убила насъ, она разбросала наши бѣлыя кости по этому мрачному подземелью... Бей!.. Извлекай!.. Руби!.. Коли!.. Добывай!.. Утѣшай насъ этой музыкой, въ которой радость жизни и гибель смѣшались, какъ рай и адъ!.. Ты нашъ!..

— Прочь!.. Подите прочь!..—шептала Желѣзнякъ побѣлѣвшими губами, чувствуя, что голосъ не слушается его...

Скелеты тряслись въ отвратительномъ смѣхѣ и приплясывали вокругъ него на своихъ костяхъ...

Тогда Желѣзнякъ вспомнилъ, за чѣмъ пришелъ сюда... Ему надо богатства!..

Быть можетъ, это одно изъ искушеній, съ которыми всегда сопряжена добыча клада!?. Тогда онъ почувствовалъ приливъ дикой силы и безстрашія.

— Прочь!.. —закричалъ онъ.—Я васъ не боюсь!.. Мнѣ не страшна ваша угроза!.. Я молодецъ!.. Я силенъ!.. Я выйду отсюда!..

Разсыпались скелеты...

Опять кости легли по своимъ мѣстамъ и черепа укатились туда, гдѣ лежали. Опять паукъ заплелъ свою паутину въ ребрахъ костяковъ и летучія мыши засновали въ воздухѣ...

Но въ тотъ же моментъ мрачное пѣніе раздалось подъ сводами пещеры, наполнило всѣ закоулки стонущими звуками смертельнаго отчаянія и гнѣвной жалобы... И огъ звуковъ этого пѣнія какъ будто тухнуть стали сапфиры,

бриллианты, алмазы, а рубины потускнѣли отъ влаги, напоминавшей слезы. Изъ пещеръ, изъ ущелій, изъ за отвѣсныхъ стѣнъ тѣхъ утесовъ, которые были сплошь усыпаны драгоценными камнями, одна за другой выступали блѣдныя тѣни истомленныхъ людей и соединялись въ громадную толпу. Тутъ были женщины съ испитымъ лицомъ, истощенныя малютки, едва прикрытыя лохмотьями одежды, мужчины, изсохшіе какъ скелеты, со слѣдами изнурительныхъ болѣзней на блѣдныхъ лицахъ. Потоками выплывали эти тѣни съ разныхъ сторонъ, наводняли пространство и мрачно-торжественно пѣли...

Они пѣли о томъ, что томятся и погибають подъ ярмомъ бѣдности, нужды и болѣзней.

— Мы жертвы золота!..—стонали они, обступая Желѣзняка и протягивая къ нему съ мольбой исхудалыя руки:—Пожалѣй насъ!.. Пожалѣй насъ!.. Не прибавляй лишней тяжести къ нашимъ страданіямъ!.. Не обсыпай насъ золотымъ дождемъ! Не погребай подъ холодомъ сокровищъ!.. О, дай твоему сердцу забиться состраданьемъ... хоть разъ!.. Хоть разъ!..

Желѣзнякъ въ ужасѣ смотрѣлъ на эти тѣни людей... Онъ не могъ отвести глазъ отъ ихъ лохмотьевъ, едва прикрывавшихъ язвы тѣла... Онъ заморгалъ, видя слезы малютокъ, точившіяся изъ голубыхъ глазокъ, съ мольбою на него смотрѣвшихъ... Что-то жгуче-теплое зашевелилось въ его сердцѣ... Но вдругъ онъ вспомнилъ свою клятву.

— Прочь!..—закричалъ онъ, — у меня нѣтъ для васъ жалости!.. Каждый для себя долженъ устраивать жизнь!..

И засіяли ярче прежняго камни!.. И загудѣло подъ мрачнымъ сводомъ:

— Будь про-клятъ, Каинъ!..

Но Желѣзнякъ уже не слушалъ...

Схвативъ кайло, онъ съ энѣргіей ярости принялся за работу. Чтобы не видѣть и не слышать искушеній, онъ разбивалъ утесъ страшными ударами, колотъ, рубилъ... Искрами, брызгами летѣли бриллианты, рубины, аметисты, съ тихимъ звукомъ, напоминавшимъ пѣніе Эоловой арфы, отчего радостью дрожало сердце.

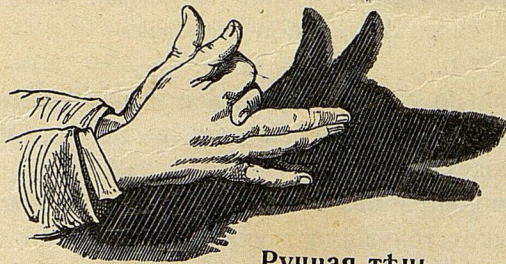
— Я буду богатъ, богатъ!..—почти кричалъ онъ, нанося удары, отъ которыхъ дрожала скала:—Я буду повелитель міра!..

Онъ рубилъ, не чувствуя усталости, не слушая, какъ съ тихой жалобой расходились блѣдныя тѣни... Со свистомъ, со стономъ кайло разсѣкало воздухъ и, упавъ на гранитную стѣну, дробило ее... Куски, осколки летѣли и падали на полъ съ глухимъ шумомъ, разсыпаясь въ мелкую пыль, а драгоценные камни, искрясь разноцвѣтными блестками, прыгали по камнямъ, ложились грудями... И груды вырастали въ курганы, курганы разрастались въ горы... Чѣмъ больше рубилъ онъ, тѣмъ больше разгоралась его жадность...

— Мало!.. Мало!..—шептали его поблѣвшія губы.—Руби!.. Руби!..

Окончаніе въ слѣдующемъ №

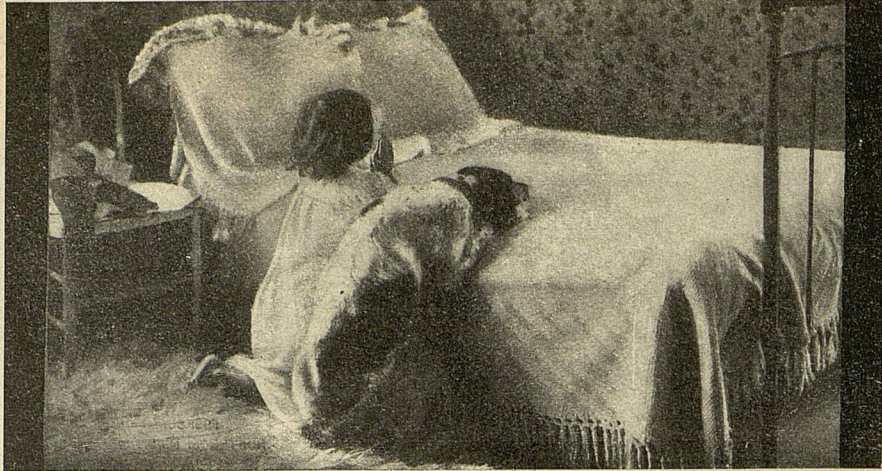
С. Гусевъ-Оренбургскій.

Ручная тѣнь.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Г. Мозлеръ.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

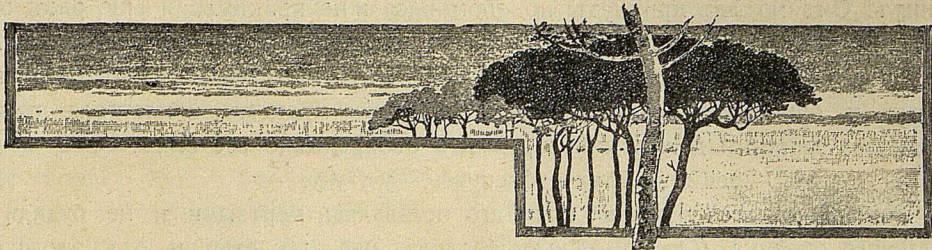
ПРИНЦЕССА-ЗВѢЗДОЧКА.

Въ темныхъ, дикихъ дебряхъ лѣса,
Въ старомъ замкѣ надъ рѣкой
Много лѣтъ жила принцесса
Въ башнѣ мрачной и глухой.
Всѣ дороги въ лѣсъ закрыты
Отъ звѣрья и отъ людей,
Сторожилъ его сердитый
Старый, злобный чародѣй.
У него-же были слуги:
Сильный вѣтеръ и бурань,
Холодъ, бури, сумракъ, вьюги
И обманчивый тумань.
Приказалъ онъ строго лѣсу,
Грозно стукнувши клюкой,
Охранять его принцессу
Въ башнѣ мрачной и глухой.
Какъ-то мѣсяць одинокій
Долго по небу гулялъ,
Заглянулъ онъ въ лѣсъ далекій

И принцессу увидаль.
Кликнулъ звѣздъ онъ хоръ пре-
красный
И, покинувъ небеса,
За принцессой въ вечеръ ясный
Смѣло двинулся въ лѣса.
И прекрасную принцессу,
Всю сверкавшую въ парчѣ,
Онъ унесъ съ собой изъ лѣсу
Въ голубомъ своемъ лучѣ.
Чародѣя за обманы
Онъ схватилъ, разсѣявъ мглу,
И, умчавъ за океаны,
Превратилъ его въ скалу.
А принцесса серебрится
Въ небѣ яркою звѣздой
И таинственно искрится
Бѣлоснѣжною парчей.

Юрій Зубовскій.

Въ саду.

Разсказъ М. Розенкнопа.

Была одна ночь поздней осенью. Глубокая, какъ бездна, и мрачная, какъ смерть, она пришла и облегла землю необъятной тяжестью и давила ее и дула на нее холоднымъ пронизывающимъ мракомъ. Тьма, казалось, исходила изъ земли, непрерывнымъ потокомъ струилась къ небу и тамъ расплывалась безбрежнымъ моремъ, наполняя неизмѣримыя глубины пространства. И оттуда она текла обратно внизъ тяжелыми и холодными волнами. Дождевыя капли, тягучія и липкія, казались осязаемыми каплями тьмы, отдѣлившимися частичками мрачной осенней ночи. А вѣтеръ, какъ великій духъ скорби, носился по обширнымъ тонувшимъ въ мракъ равнинамъ и грозно, и жалобно все вылъ и стоналъ. И жутко становилось человѣку въ ту ночь, и холодный мракъ прокрадывался въ его душу и вызывалъ со дна ея тоску и отчаяніе.

Далекая и заброшенная, словно забытая Богомъ и людьми, одиноко стояла небольшая деревушка. Избушки ея, сплотившись жалкой группой, боязливо жалась другъ къ дружкѣ, испуганная черной мощью угрюмой осенней ночи, глядѣвшей на нихъ со всѣхъ сторонъ. А за версту отъ той деревни на косогорѣ, среди обширныхъ пустыхъ полей, былъ расположенъ фруктовый садъ. Огромень былъ садъ и густъ, и деревья его гнулись подъ давно уже созрѣвшими яблоками, грушами и сливами. И въ томъ саду въ ту осеннюю ночь былъ оставленъ сторожемъ маленькій тринадцатилѣтній Ванька.

— Ночь темна, можетъ вору полѣзутъ, такъ ты не бойся, стучи колотушкой, — услышатъ, уйдутъ, — такъ сказалъ тятка Ваньки, и тятка ушелъ, а Ванька остался одинъ.

Темнота густо облѣпила садъ. Деревьевъ въ саду не было видно. Только на очень близкомъ разстояніи неясно выступали ихъ темныя очертанія. Садъ казался заселеннымъ черными тѣнями различныхъ причудливыхъ формъ. И рѣяли эти тѣни свободно на томъ уголкѣ земли, какъ бы въ отгороженномъ для нихъ жилищѣ. А вѣтеръ, грозный и свирѣпый, визжалъ и ревѣлъ и глумился надъ нѣмыми тѣнями, и махалъ длинными вѣтками, и бросалъ яблоки и груши, и вылеталъ за заборъ на чистое поле и собиралъ новые запасы студеной мглы и возвращался.

Ванькѣ было жутко. Осенняя ночь была необъятна и мрачна и такъ грозно напирала на него отовсюду, а онъ былъ такъ малъ и безсиленъ. Онъ ощупалъ тулупъ, въ который былъ одѣтъ, барашковый воротникъ его у себя на шеѣ, руку и въ рукѣ колотушку и вдругъ испугался и хотѣлъ крикнуть отъ испуга. Ему померещилось, что рука и колотушка принадлежатъ не ему, а кому-то другому, невидимому, окутанному мракомъ и стоявшему рядомъ

съ нимъ. Онъ хотѣлъ крикнуть, но опомнился и не крикнулъ, и еще разъ ощупалъ себя, сильнѣе зажалъ колотушку въ рукѣ другой рукой, глубже зарылся въ тулупъ и двинулся вверхъ по косогору. А вѣтеръ оттуда бѣжалъ бѣшенымъ звѣремъ и брызгалъ въ него пронизывающимъ мракомъ, и хлесталъ въ него холодными, липкими дождевыми струями и непрерывно все вылъ.

— У-у-у-у,—ревѣлъ вѣтеръ, бѣснуясь,—у-у-у-у.

Ванька двигался ощупью, шаги его оставались мертвыми и не будили ни малѣйшаго отзвука. Словно тѣнью бродилъ онъ по саду, и отъ этого еще страшнѣе становилось. Среди шума вѣтра то тутъ, то тамъ выдѣлялись частые періодическіе звуки отъ паденія яблокъ и грушъ на землю. Деревья гнулись, вѣтки качались, и садъ, казалось, былъ полонъ воровъ, окутанныхъ мглою, которые рвали фрукты и бросали ихъ, торопясь уходить.

— Можетъ, вору полѣзутъ, такъ ты не бойся, стучи колотушкой,—улышатъ, уйдутъ,—мелькнуло въ сознаніи Ваньки. И Ванька застучалъ колотушкой.

— Та-та, та-та, та-та, та-та,—кричала гдѣ-то около Ваньки его колотушка.

— Та-та, та-та, та-та, та-та,—отвѣчалъ ей другой конецъ сада, и звуки доносились до Ваньки и наполняли его ужасомъ, и отдавались глухими ударами въ его груди.

Ванькѣ было жарко. Тулупъ онъ давно уже сбросилъ и двигался уже не впередъ, а назадъ, стараясь пробраться къ соломенной будкѣ, устроенной для ночлега. Но представленіе о расположеніи сада какъ-то хаотически спуталось въ его головѣ, и ему все не удавалось набрести на будку: она ему казалась то тутъ, то тамъ, и, наконецъ, совсѣмъ утерявъ видимую цѣль, Ванька уже безсознательно путался въ темныхъ аллеяхъ сада, точно торопясь укрыться отъ кого-то, гнавшагося за нимъ по пятамъ. И чѣмъ дальше двигался Ванька, чѣмъ ожесточеннѣе стучалъ колотушкой, тѣмъ все больше и больше овладѣвалъ имъ страхъ. Онъ лѣзъ отовсюду на Ваньку и все росъ въ немъ и наполнялъ его, увеличиваясь, каплями, струями, цѣлыми волнами. Онъ былъ въ каждой незамѣтно падавшей дождевой каплѣ, и въ періодическихъ ударахъ срывающихся плодовъ и внезапныхъ и дикихъ порывахъ вѣтра, и въ тяжеломъ дыханіи бушующей ночи. При каждомъ новомъ своемъ нападеніи, страхъ проникалъ въ голову Ваньки цѣлымъ комомъ холоднаго огня и разлетался огненными змѣйками по тѣлу и, ударившись опять тяжелымъ комомъ въ колѣняхъ, сгибая ихъ и толкая куда-то, онъ выходилъ холоднымъ липкимъ потомъ наружу. И съ каждымъ потомъ Ванька чувствовалъ, какъ что-то свое близкое отрывалось и уходило отъ него въ необъятную ночь, заполняясь какой-то чуждой ему, угрожающей пустотой. Точно гонясь за самимъ собой, Ванька, весь мокрый отъ пота и дождя, ужъ не ходилъ, а бѣжалъ. О ворахъ онъ уже давно забылъ, а, продолжая трещать колотушкой, хотѣлъ отогнать ею что-то другое, грозное и властное, что поселилось въ его душѣ въ эту ненастную ночь и хотѣло превратить его въ дикаго звѣря. Но все гуще становилась черная стѣна впереди, все тѣснѣе смыкалась рать темныхъ враговъ Ваньки и страшнѣе и рискованнѣе дѣлался каждый шагъ. Что-то съ вѣтвей тянулось къ Ванькѣ, кто-то шлепался около его ногъ, а тамъ, въ кустахъ, выжидая кого-то, странно съежилась тьма, извиваясь въ страшныхъ причудливыхъ формахъ. И, дѣлая шагъ впередъ, Ванька бросался обратно, обливаясь жаромъ и ужасомъ. Но вдругъ наступилъ моментъ, какъ хаосъ, неразборчивый, какъ бредъ, непонятный и загадочный. Что-то темное, откуда-то выдѣлившись чудовищной массой, по-

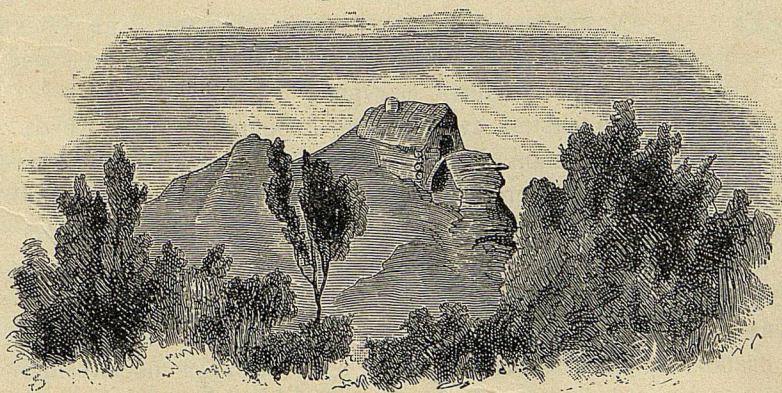
дозрительно глянуло на Ваньку и двинулось на него. Ванька сталъ неподвижный, поддавшись впередъ и во что-то всматриваясь. И вдругъ изступленный нечеловѣческій, стихійно-необузданный крикъ «ма-м-ка» вырвался изъ Ваньки и утонулъ въ темнотѣ. Еще быстрѣ побѣжалъ Ванька и дыханіе у него захватывало. Вѣтеръ гнался за нимъ и набрасывался на него то сзади, то спереди и все грозилъ ему, и все пугалъ его.

— У-у-у-у,—грозилъ вѣтеръ,— у-у-у-у — и тятки нѣтъ, и мамки нѣтъ, и избы нѣтъ, и все унесло и потопило тьмой. Исчезли и скрылись давно ужъ и Кизилровка, и дворъ, и мужики, и Федька, и Савраско, и пудель, только лѣшій и домовые плывутъ въ этой черной мглѣ и гоняются другъ за другомъ и ищутъ тебя. Вотъ,—вотъ они, черные, безобразные, лѣзутъ съ деревьевъ, изъ просвѣтовъ, и изъ земли поднимаются и сверху спускаются. Вотъ найдутъ они тебя и схватятъ и унесутъ. У-у-у-у, бѣги, Ванька, бѣги, у-у-у-у.

Вѣтеръ шумѣлъ, вѣтки качались и тьма надвигалась, кишачая миллионами черныхъ тѣней. Всѣ гнались за Ванькой, и хватили его и царапали ему то шею, то руки, то ноги. А колотушка, бѣшенная, все громче и громче трещала, отгоняя грозные призраки...

Усталое и грязное поднялось хмурое осеннее утро. Ежась отъ сырости и шлепая по грязи, направлялся тятка Ваньки изъ деревни къ саду. Онъ былъ удивленъ, услыжавъ не въ пору сильный стукъ колотушки. Когда онъ вошелъ въ садъ, Ванька съ колотушкой въ рукахъ, весь съежившись, жалкій и загрязненный, точно статуя, вылѣпленная изъ засохшей грязи, неподвижно стоялъ, прижавшись къ дереву. Увидѣвъ отца, Ванька испуганно вытянулъ голову. И изъ кома грязи вылѣзла къ тяткѣ Ваньки знакомая и близкая маленькая голова, а изъ нея глянули на него страшной загадкой чужіе и далекіе глаза, большіе и блестящіе, наполненные какимъ-то скрытымъ, новымъ содержаніемъ и куда-то тупо-напряженно устремленные. И вдругъ, увидѣвъ тамъ что-то, чего тятка не видѣлъ, Ванька, дико взвизгивая, какъ перепуганный звѣрекъ, крѣпко сжавъ колотушку въ обѣихъ рукахъ, бросился бѣжать къ концу сада. И бѣшенная дробь колотушки, какъ крики о помощи погибшей души, дала знать, что съ Ванькой что-то неладно...

М. Розенкнопъ.

Загадочная картинка.

Рисунокъ изображаетъ мѣстность, описанную авторомъ въ только что прочитанномъ вами разсказѣ. Найдите чудовище, которое померещилось Ванькѣ отъ испуга и простуды.

Розенталь.

УТРО ЛѢНТЯЯ. *В. Воронцов*

Нищая.

Бтояла зима. Капризная, безснѣжная петербургская зима. Ледяной пронизывающій вѣтеръ, какъ бѣшенный, мчался по городу, сбивая съ ногъ прохожихъ и засыпая глаза ѣдкой морозной пылью.

Я шла по Исаакіевской площади, стараясь сильнѣе закутаться въ пальто и проклиная бѣдность, заставившую меня бѣгать по грошевымъ урокамъ.

Хотѣлось скорѣе добраться до дому и въ теплой уютной комнатѣ согрѣть усталое иззябшее тѣло. Вдругъ мое вниманіе привлекла странная фигура.

Маленькая старушонка, сморщенная какъ грибокъ, едва прикрытая какой-то допотопной тальмой, въ ночныхъ войлочныхъ туфляхъ, въ порывѣломъ, сбившемся на сторону, платкѣ, тщетно боролась съ вѣтромъ.

Когда я поравнялась съ ней, свѣтъ фонаря упалъ на ея лицо.

Она не попросила милостыни. Но маленькіе слезящіеся глаза смотрѣли съ такимъ голоднымъ отчаяніемъ, что я невольно остановилась, вынула кошелекъ и протянула ей какую-то мелочь.

Она слабо кивнула головой и что-то пробормотала посинѣвшими губами.

Прошла я нѣсколько шаговъ и думаю: «Ну, что она сдѣлаетъ съ моими копѣйками?! Вѣдь, ей и до дому не дойти».

Оглядываюсь. Старушка порывается идти, а ноги ее не несутъ.

Я вернулась къ ней. Раскрываю кошелекъ. Рубля три у меня было.

— «Отдать ей»,—думаю.—«Вѣдь я передъ ней—Ротшильдъ».

— Возьмите, бабушка, говорю, протягивая ей деньги.

Смотрить. Не беретъ.

— Ну, бабушка, возьмите, пожалуйста. Гдѣ вы живете?

— Въ Гавани.

Посадила я ее въ конку. Дала свой адресъ.

— Приходите, говорю, каждый мѣсяцъ, я сама не очень богата, а чѣмъ могу—подѣлюсь.

Поблагодарила она меня и уѣхала.

* * *

Прошло мѣсяца два. Я уже позабыла объ этой случайной встрѣчѣ.

Дѣло было въ воскресенье. Я сидѣла дома, наслаждаясь отдыхомъ и мечтала о воздушныхъ замкахъ, апельсинныхъ рощахъ и всевозможныхъ чудесахъ.

Входитъ моя старушонка.

— Здравствуйте, барышня, съ праздникомъ. Насилу я васъ нашла.

— Замерзли, навѣрно. Садитесь, я васъ кофе напою.

— Спасибо. Я постою...

Кое-какъ я ее усадила. Сварила кофе. Напоила ее, и старушка моя совсѣмъ оттаяла. Щеки порозовѣли. Смѣлѣе стала. Разговорились.

— Вотъ, барышня, такъ и живу. Три рубля пенсіи получаю, а полтора за уголь надо отдать. Мужъ у меня недавно померъ. Николаевскій солдатъ былъ. Подъ Севастополемъ ранили. Егорія за храбрость получилъ. Какъ померъ онъ, худо стало. Вдвоемъ-то словно бы и легче.—Она смахнула слезу.—Передъ Пасхой ходила къ командиру полка. Рубликъ пожаловали. Сбирать не даютъ. Гоняютъ. А ѣсть надо. Какъ жить станешь? Дочь у меня есть. Та бы и помогла, да у самой четверо дѣтей и нужду терпятъ. Мужа Богъ прибралъ. Такъ вотъ сама-то на фабрику работаетъ. Старшій мальченко въ типографіи служитъ, а остальные трое дома. Одни валенки на троихъ. Такъ вотъ и живемъ.

Она ничего не просила, даже не жаловалась особенно.

Она просто рассказывала, точно сказку, о своемъ житьѣ-бытьѣ.

И почувдился мнѣ грозные бастионы Севастополя. Несмолкаемый бой орудій. Битва въ рукопашную. Отчаянное геройство молодого, безвѣстнаго солдата, оставившаго дома молодую жену. Георгій за храбрость. Одинокая старуха и три рубля пенсіи за многолѣтнюю службу.

Горько стало на душѣ.

Съ той поры каждый мѣсяцъ приходила ко мнѣ Марья Петровна, такъ звали мою старушку. Я помогала ей, чѣмъ могла, и тихимъ дрожащимъ голосомъ она рассказывала мнѣ старыя бивальщины.

* * *

Прошло два года. Какъ-то случайно я простудилась, заболѣла и слегла.

Настроение было подавленное. Деньги вышли. Близкихъ никого.

И лежала я, какъ лѣвъ на гноищѣ, но только безъ его кротости.

Лежу я день. Лежу другой. На третій слышу стукъ въ дверь.

Входитъ Марья Петровна. Такъ и кинулась ко мнѣ.

— Барышня, голубушка, что съ вами?

— Ничего особеннаго. Немного прихворнула.
 — Доктора звали?
 — Денегъ нѣтъ.
 — А что вы кушаете?
 — Ничего. Кипятокъ пью.
 — Можетъ быть, сготовить что прикажете?
 — Не изъ чего,—улыбаюсь я не безъ горечи.
 — Ахъ, ты, Боже мой милостивый. Молоденькія такія, красавицы и захворали. Это намъ бы, старухамъ,—все равно, умирать пора. Вотъ я отслужу молебень у Скорбящей. Помолюсь за васъ. Господь бѣду и пронесетъ.
 — Спасибо... Раздѣвайтесь, погрѣтесь,—предложила я ей.
 — Нѣтъ, барышня,—засуетилась она,—не могу, тороплюсь я..
 — «А, думаю,—торопишься.—Вотъ она людская правда»..
 — Ну, что же, идите съ Богомъ,—отвѣчаю ей какъ можно равнодушнѣе. Старушка ушла. Прошло часа два, три. Опять раздался знакомый стукъ. Я съ недоумѣніемъ взглянула на дверь. Марья Петровна снова вошла въ мою комнату. Въ рукахъ она держала какой-то кулекъ. Видь у старушки былъ нѣсколько растерянный. Она сильно волновалась.
 — Вотъ я тутъ яичекъ вамъ принесла. Надо сварить всмятку. А вотъ,—она робко протянула мнѣ что-то завернутое въ засаленныя бумажки,—вотъ тутъ десять рублей. На похороны себѣ берегла,—голосъ ея оборвался,—возьмите, дорогая барышня.

Какое-то незнакомое до сихъ поръ чувство ясной радости и раскаянія ворвалось въ мою молодую, ожесточенную одиночествомъ душу.

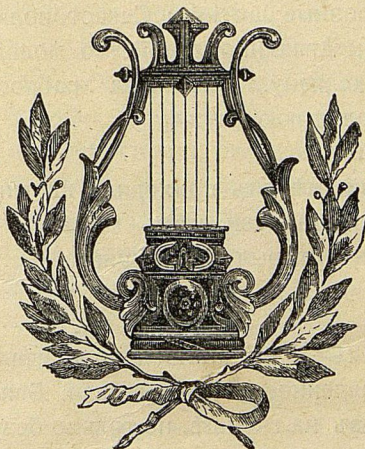
— Марья Петровна, да, вѣдь, я..

Я хотѣла рассказать ей, какія дурныя мысли пришли мнѣ въ голову послѣ ея ухода. Но она схватила мои руки и, покрывая ихъ поцѣлуями, лепетала:

— Да, вѣдь, вы меня, нищую, съ собой за столъ, какъ родную, сажали.

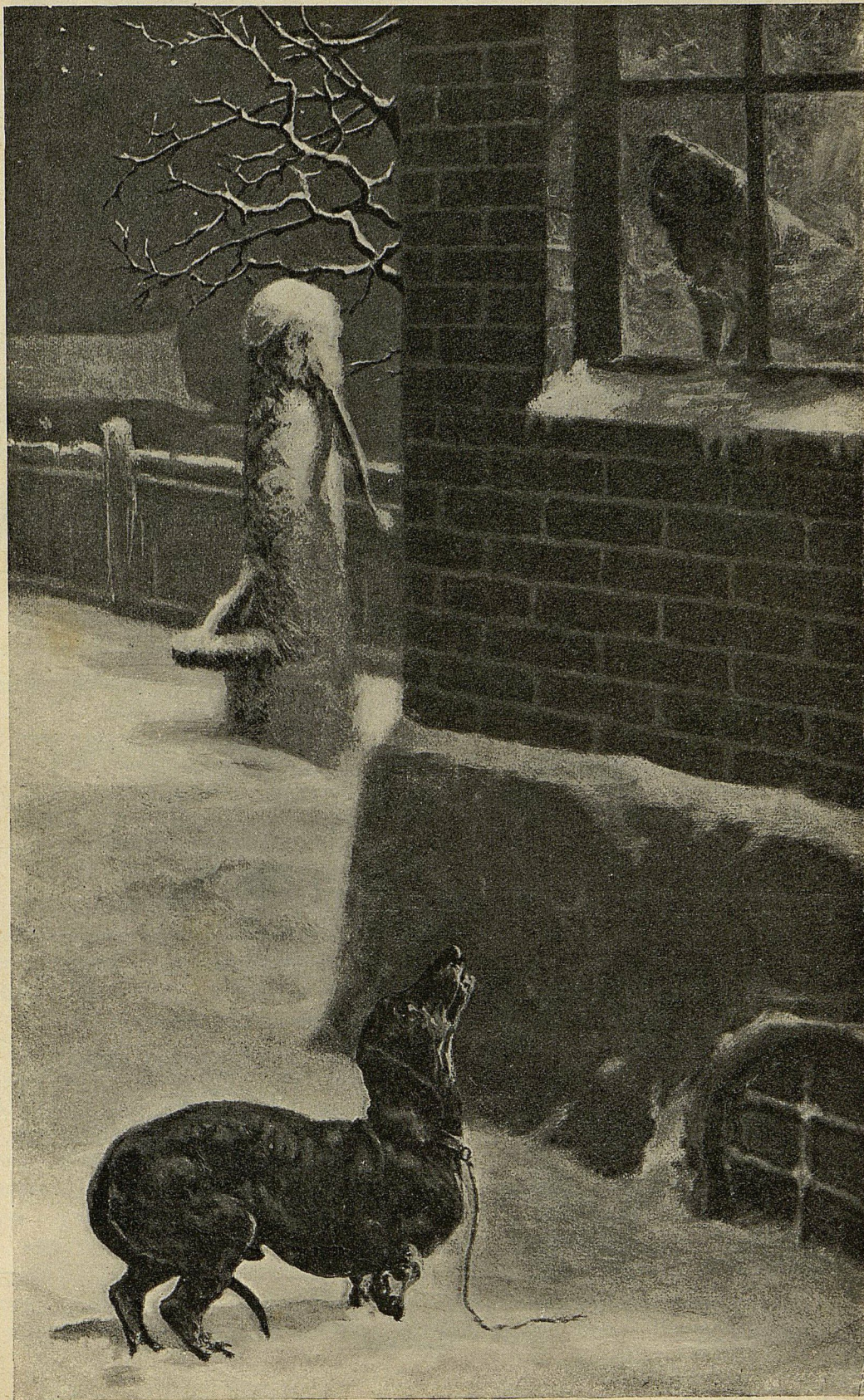
Нервы мои не выдержали. Я притянула къ себѣ старушку, прижалась къ ней, какъ къ матери, и потеряла сознание..

и умирал
 Наталія Грушко.

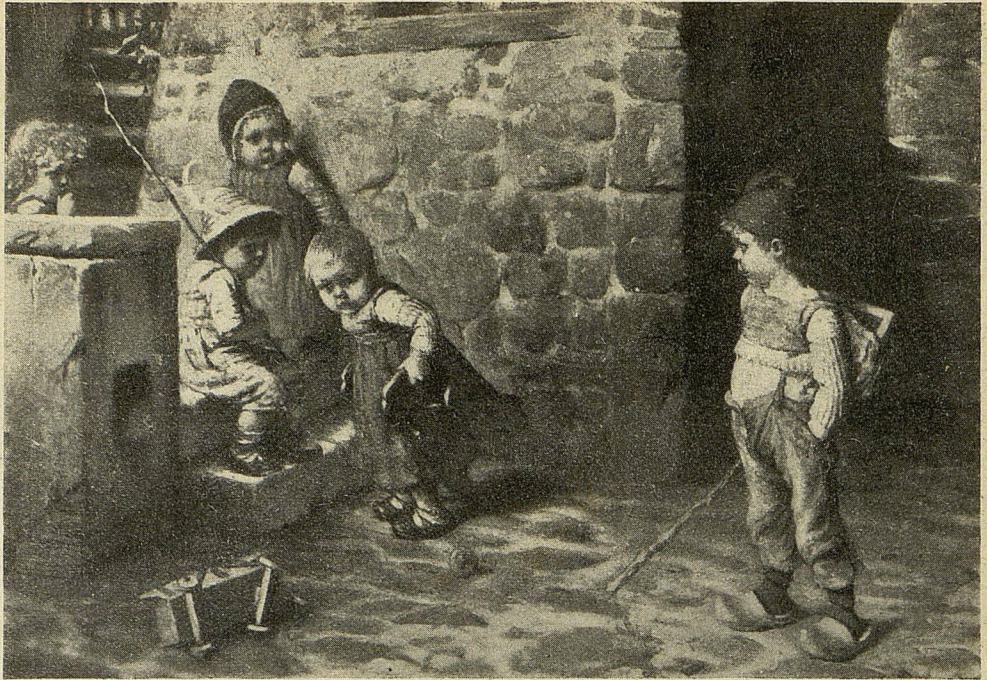
Криптограмма.

Найдите въ этой лирѣ скрытыя буквы и прочитайте фамилію величайшаго англійскаго писателя.

Съ картины Шперлинга.

СЫТАЯ И ГОЛОДНАЯ. *Шперлинга*

Каульбахъ.

ЗАДИРА.

Молодость.

Молодость — что-то прекрасное:
Греза, надежда, расцвѣтъ.
Небо ея — небо ясное,
Тучь затмевающихъ нѣтъ.

Есть у ней мысли кипучія,
Сердца горячая кровь,
Грезы живыя, пѣвучія,
Къ свѣту и правдѣ любовь.

Святы ей сердца велѣнія,
Власть ихъ разсудка сильнѣй.
Часто порывы, стремленія
Подвиговъ, жертвъ стоятъ ей.

Часто она увлекается,
Но дерзновенья — чисты.
Пусть ея смѣлость вѣнчается,
Пусть устилаютъ цвѣты.

Молодость — фея прекрасная,
Зодчій, художникъ, поэтъ.
Честная, нѣжная, властная
Сномъ промелькнетъ — и ужъ нѣтъ.

Павель Уральскій.

Сирота.

Въ ровномъ полѣ, дикъ и смѣлъ,
Вѣтеръ зыблетъ нивою;
Гдѣ-то колоколь пропѣлъ
Пѣсенку тоскливую.

Прозвенѣлъ въ степной глуши
Отзвукъ быстро тающій,
Точно скорбный плачь души,
О любви мечтающей.

А надъ лѣсомъ, гдѣ плыла
Тучка въ страны дальныя,
Ночь весенняя зажгла
Звѣздочки хрустальныя.

Запахнула въ сизый мракъ
Горы блѣднооалыя
И никто не слышалъ, какъ
О тебѣ рыдала я.

Какъ молилась сирота,
Въ эту ночь унылую
У поникшаго креста
Надъ степной могилою.

Я. Тисленко.

Себялюбивый великанъ.

Сказка Оскара Уайльда. Переводъ Л. Андрусона.

Вослѣ школы, каждое послѣобѣда, дѣти бѣжали играть въ садъ великана.

Это былъ большой хорошій садъ, съ мягкой зеленой травой. Тамъ и сямъ въ травѣ, какъ звѣзды, сіяли великолѣпные цвѣты; кромѣ того, тамъ было двѣнадцать персиковыхъ деревьевъ, которыя весною покрывались нѣжными розовыми цвѣтами, а осенью приносили богатые плоды. Птицы сидѣли на деревьяхъ и пѣли такъ прелестно, что дѣти часто переставали играть, чтобы послушать.

— Какъ мы счастливы!—говорили они другъ другу.

Въ одинъ прекрасный день великанъ вернулся домой. Онъ былъ въ гостяхъ у своего друга людоеда, у котораго пробылъ семь лѣтъ. Когда онъ подходилъ къ дому, онъ увидѣлъ въ саду играющихъ дѣтей.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—закричалъ онъ очень грубымъ голосомъ, и дѣти убѣжали.

— Мой собственный садъ есть мой собственный садъ,—сказалъ великанъ,—это долженъ знать каждый, и никто не смѣетъ здѣсь играть.

И онъ построилъ вокругъ сада высокую стѣну и прибилъ доску, на которой было написано: «Входъ воспрещается!».

Онъ былъ очень себялюбивый великанъ.

Бѣднымъ дѣтямъ негдѣ было больше играть. Они пробовали играть на дорогѣ, но дорога была вся покрыта пылью и твердыми камнями, а это дѣтямъ вовсе не нравилось. Послѣ уроковъ они ходили вокругъ стѣны и вспоминали о прелестяхъ сада.

— Какъ счастливы мы были тамъ!—говорили они другъ другу.

Потомъ наступила весна, и вездѣ были маленькіе цвѣты и маленькіе птички. Только въ саду себялюбиваго великана была зима. Птицы не хотѣли тамъ больше пѣть, разъ не было дѣтей, и деревья забыли цвѣсти. Разъ выглянулъ изъ травы хорошенькій цвѣтокъ, но когда онъ увидѣлъ доску съ запрещеніемъ ему стало такъ жаль дѣтей, что онъ опять спрятался въ землю и продолжалъ спать. Единственныя существа, кому тамъ нравилось, были — снѣгъ и морозъ.—Весна забыла этотъ садъ,—говорили они,—и мы можемъ теперь жить здѣсь весь годъ.—Снѣгъ покрылъ траву своимъ большимъ бѣлымъ плащомъ, а морозъ разукрасилъ всѣ деревья серебромъ. Потомъ они пригласили къ себѣ сѣверный вѣтеръ, и онъ явился. Онъ былъ одѣтъ въ мѣховую шубу и вылъ весь день въ саду и леталъ по трубамъ. И градъ явился. Каждый день по три

часа барабанилъ онъ по крышѣ замка, пока не перебилъ всю лучшую чепицу. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрое, и его дыханіе было холодно, какъ ледь.

— Не понимаю, чего это весна заставляетъ себя такъ долго ждать,— говорилъ себялюбивый великанъ, сидя у окна и глядя на свой холодный бѣлый садъ,— впрочемъ, я надѣюсь, что погода скоро перемѣнится.

Но весна не приходила, и лѣто тоже не пришло. Осень даровала каждому саду золотые плоды, но саду великана не дала ни одного.— Онъ слишкомъ себялюбивъ,— сказала осень. Такъ оставалась въ саду великана зима—и сѣверный вѣтеръ, градъ, морозъ и снѣгъ самодовольно плясали по вѣтвямъ.

Въ одно утро, когда великанъ, проснувшись, лежалъ въ постели, онъ услышалъ прелестную музыку. Она звучала въ его ушахъ такъ пріятно, что онъ подумалъ—это музыканты короля проходятъ мимо. Въ дѣйствительности, это была только маленькая коноплянка, которая пѣла передъ его окномъ, но великанъ уже такъ давно не слышалъ пѣнія птички въ саду, что это показалось ему прекраснѣйшей музыкой на землѣ. Градъ тоже пересталъ танцовать надъ его головой, и сѣверный вѣтеръ больше не вылъ, и дивный запахъ вливался въ открытое окно.

— Я думаю—это наступила наконецъ весна!—сказалъ великанъ, соскочилъ съ кровати и выглянулъ въ окно.

Что онъ увидѣлъ?

Его глазамъ представилось чудеснѣйшее зрѣлище. Черезъ маленькое отверстіе въ стѣнѣ дѣти пробрались въ садъ, и сидѣли теперь на вѣтвяхъ деревьевъ. И деревья были такъ рады возвращенію дѣтей, что покрылись цвѣтами и простирали свои оберегающія руки надъ головками дѣтей. Птицы летали вокругъ и восхищенно щебетали, и цвѣты выглядывали изъ зеленой травы и смѣялись. Это былъ восхитительный видъ. Только въ одномъ мѣстѣ оставалась еще зима. Это былъ самый далекій уголъ сада, и тамъ стоялъ маленькій мальчикъ. Онъ былъ такъ малъ, что не могъ дотянуться до вѣтвей дерева, ходилъ вокругъ и горько плакалъ. Бѣдное дерево было еще все покрыто снѣгомъ и морозомъ, и надъ нимъ свисталъ и вылъ сѣверный вѣтеръ.

— Лѣзь навверхъ, маленькій мальчикъ!—говорило дерево, и склоняло свои вѣтви внизъ, какъ только могло. Но мальчикъ былъ слишкомъ малъ.

И сердце великана смягчилось, когда онъ увидѣлъ это.

— Какъ себялюбивъ я былъ!—сказалъ онъ.—Теперь я знаю, почему весна не хотѣла приходить сюда. Я помогу бѣдному маленькому мальчику взобраться на дерево, потомъ я разрушу стѣну, и мой садъ долженъ быть, всегда мѣстомъ для игръ дѣтей.

Онъ спустился съ лѣстницы, открылъ какъ можно тише входную дверь и вышелъ въ садъ. Но когда дѣти увидѣли его, они очень испугались и убѣжали, и въ саду снова стала зима. Только маленькій мальчикъ не убѣжалъ, потому что его глаза были полны слезъ, и онъ не видѣлъ великана. И великанъ незамѣтно подошелъ къ нему, нѣжно взялъ его на руки и посадилъ на дерево. И дерево разомъ покрылось цвѣтами, птицы летали и пѣли, а маленькій мальчикъ раскрылъ свои ручки, обвинилъ ими шею великана и поцѣловалъ его. И когда другія дѣти увидали, что великанъ не злой, они всѣ вернулись, и съ ними вернулась весна.

— Это теперь вашъ садъ, дѣти!—сказалъ великанъ, взялъ большой топоръ и разрушилъ стѣну. И когда люди въ двѣнадцать часовъ шли на рынокъ, они увидѣли великана, играющаго съ дѣтьми въ прекраснѣйшемъ саду.

Весь день играли они, и только вечером великанъ пожелалъ имъ «доброй ночи».

— Кто такой вашъ маленькій товарищъ?—спросилъ онъ ихъ:—тотъ маленький мальчикъ, котораго я посадилъ на дерево?—Великанъ любилъ его больше всѣхъ, потому что мальчикъ поцѣловалъ его.

— Мы не знаемъ,—отвѣтили дѣти,—онъ ушелъ.

— Вы должны его пригласить завтра сюда!—сказалъ великанъ.

Но дѣти сказали, что они не знаютъ, гдѣ живетъ этотъ мальчикъ, они его раньше никогда не видѣли. Это очень опечалило великана.

Послѣ школы, каждое послѣобѣда приходили дѣти и играли съ великаномъ. Но маленькій мальчикъ, котораго великанъ любилъ, больше не показывался. Великанъ былъ друженъ со всѣми дѣтьми, но грустилъ безъ своего перваго маленькаго друга и часто говорилъ о немъ.

— Какъ хотѣлось бы мнѣ его видѣть!—повторялъ онъ.

Годы шли, и великанъ сталъ старъ и слабъ. Онъ не могъ больше играть, а сидѣлъ въ своемъ большомъ креслѣ, смотрѣлъ на играющихъ дѣтей и любовался садомъ.

— У меня много красивыхъ цвѣтовъ,—говорилъ онъ,—но дѣти—прекраснѣйшіе цвѣтки изъ всѣхъ.

Въ одно зимнее утро, одѣваясь, онъ смотрѣлъ въ окно. Онъ теперь больше не ненавидѣлъ зиму, потому что зналъ, что это только спящая весна и что цвѣты только отдыхаютъ.

Вдругъ онъ широко раскрылъ глаза отъ удивленія. Въ самомъ далекомъ углу сада одно дерево было покрыто прелестными цвѣтами. Всѣ его вѣтви были изъ чистаго золота и съ нихъ свѣшивались серебряные плоды, а подъ деревомъ стоялъ маленький мальчикъ, котораго онъ любилъ.

Великанъ сбѣжалъ съ великой радостью съ лѣстницы въ садъ. Онъ торопливо перебѣжалъ черезъ садъ и приблизился къ мальчику. Но когда онъ уже былъ рядомъ съ нимъ, онъ покраснѣлъ отъ гнѣва и сказалъ:

— Кто смѣлъ тебя ранить?

На рукахъ мальчика были слѣды двухъ гвоздей и такіе же на его ножкахъ.

— Кто смѣлъ тебя ранить?—кричалъ великанъ,—скажи мнѣ, чтобы я могъ взять мой большой мечъ и убить его.

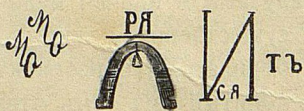
— Нѣтъ,—отвѣтилъ мальчикъ,—эти раны нанесла любовь.

— Кто ты?—спросилъ великанъ, и странное благоговѣніе охватило его и онъ опустил на колѣни передъ маленькимъ мальчикомъ.

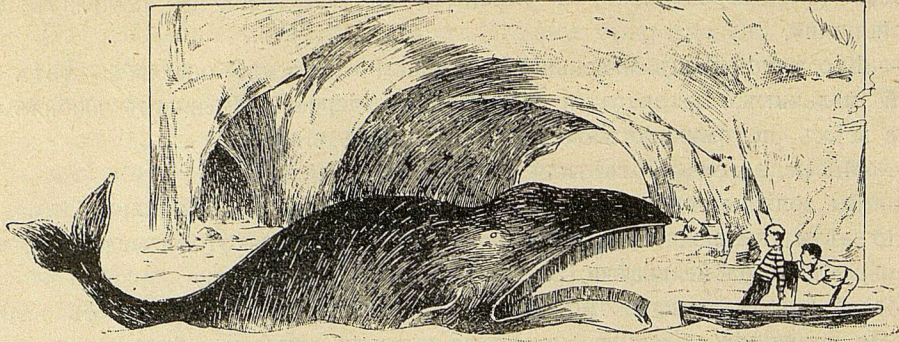
И мальчикъ улыбнулся великану и сказалъ ему:

— Ты нѣкогда позволилъ мнѣ играть въ твоемъ саду, поэтому сегодня ты войдешь со мною въ мой садъ, который есть рай.

И когда дѣти въ тотъ день пришли въ садъ, они нашли великана, лежащаго мертвымъ подъ деревомъ, всего покрытаго бѣлыми цвѣтами.

Ребусъ-загадка.

Исторія маленькаго кита.

Разсказъ Ч. Робертса. Переводъ В. Магской.

Далеко, далеко въ Ледовитомъ Океанѣ,—началъ дядя Анди свой разсказъ,—у большого кита родился маленькій дѣтенышъ. Самъ по себѣ онъ былъ очень некрасивъ, съ своей скользкой сѣровато-черной спиной и грязновато-сѣрымъ брюшкомъ, но матери онъ казался красавцемъ, она любовалась имъ въ то время, какъ онъ, забравшись подъ ея огромные плавники, питался ея молокомъ, лѣнливо покачиваясь на зеленоватыхъ волнахъ океана.

Дѣтенышъ этотъ былъ длиною въ восемь или девять футъ и представлялъ изъ себя какъ бы одну огромную голову, а голова эта казалась, въ свою очередь, однимъ огромнымъ ртомъ, но ротъ этотъ нельзя было разсмотрѣть, такъ какъ онъ былъ скрытъ подъ плавникомъ матери. Но зато его мать лежала съ полураскрытой пастью, которая составляла цѣлую треть всего ея тѣла, и вся она была заполнена китовымъ усомъ, замѣняющимъ ей зубы. Благодаря этому, ей приходилось питаться однимъ супомъ, изъ огромнаго количества слизняковъ, медузъ и мелкихъ рыбешекъ. Всѣ эти мелкія созданыица плавали себѣ преспокойно по водѣ и, даже, не замѣчали, что заплыли въ огромную китовую пасть, а между тѣмъ, китъ, время отъ времени, вдругъ закрывалъ свою чудовищную пасть, и всѣ они оставались въ ней, такъ какъ китовый усъ представлялъ изъ себя загражденіе, сквозь которое они не могли уже проникнуть назадъ, и китъ преспокойно проглатывалъ ихъ цѣликомъ, процѣдивъ раньше воду, какъ сквозь рѣшето. Проглотивъ эту партію, онъ снова открывалъ свою бездонную пасть и ждалъ слѣдующую. Такимъ образомъ, не утруждая себя, онъ, понемногу, закусывалъ, въ то время, какъ дѣтенышъ насыщался его молокомъ. Время отъ времени, онъ вдругъ пускалъ огромный фонтанъ воды черезъ отверстіе, находившееся наверху головы, и маленькій китъ слѣдовалъ его примѣру.

Но, конечно, огромный китъ, длиною онъ былъ не меньше шестидесяти футъ, не могъ насытиться медузами и прочей мелочью,—исполинскій желудокъ его требовалъ другой, болѣе существенной, пищи.

Когда мать, наконецъ, убѣдилась, что ребенокъ поѣлъ достаточно, она подала ему знакъ, тотчасъ же понятый имъ, онъ отвалился немного въ сторону и вмѣстѣ съ ней погрузился въ зеленую глубь океана, все время, однако, находясь по близости отъ нея и не выходя изъ-подъ защиты ея плавниковъ.

Въ глубинѣ океана рыбы было гораздо больше, чѣмъ на его поверхности. Тутъ огромными стаями плыли по направленію къ югу небольшія рыбки, похожія на сардинки (иногда ихъ бываетъ такъ много, что силою вѣтра ихъ выбрасываетъ даже на берегъ и рыбаки охотно уступаютъ ихъ земледѣльцамъ, которые и удобряютъ ими свои поля). Благодаря такому множеству этихъ рыбъ, даже большой китъ быстро насытился ими и лѣниво сталъ заигрывать съ своимъ дѣтенышемъ, любовно похлопывая его плавниками.

Но вдругъ мать замѣтила странное существо, плившее въ глубинѣ океана, подъ толстымъ слоемъ рыбъ, которыхъ оно исправно поглощало, схватывая ихъ одну за другой. Длиною оно было не менѣе пятнадцати футъ и поражало своимъ противно-грязнымъ сѣроватымъ цвѣтомъ, на головѣ его виднѣлся огромный, острый, изогнутый рогъ вышиною къ шесть футъ. Это былъ самый обыкновенный морской единорогъ, совершенно безвредный для своего исполинскаго собрата, но блѣдная мать пришла въ нервное состояніе при видѣ его рога, напоминавшаго ей рыбу-мечъ. Хорошенько спрятавъ подъ плавникомъ дѣтеныша, она кинулась прямо на единорога, маленькіе глаза того испуганно сверкнули въ глубинѣ, онъ судорожно взмахнулъ хвостомъ и тотчасъ скрылся изъ глазъ.

Пробывъ подъ водою минутъ двѣнадцать, нѣжная мать рѣшила, что пора ей подняться на поверхность воды, чтобы дать подышать воздухомъ дѣтенышу, сама она могла бы, безъ всякаго ущерба для себя, пробывать еще минутъ десять.

Когда они поднялись наверхъ, они мирно расположились оба на волнахъ и принялись пускать фонтаны воды и выдыхать испорченный воздухъ изъ своихъ легкихъ. Маленькій китъ не отставалъ отъ своей матери, но струя пускаемой имъ воды казалась тоненькой ниточкой, въ сравненіи съ величавымъ фонтаномъ матери. Дѣтенышъ снова проголодался, и какъ ему было не проголодаться, когда ему предстояло еще расти такъ много и расти въ довольно короткій срокъ; онъ жадно прильнулъ къ груди матери, а та полулегла на бокъ, и, казалось, тихо дремала. Въ воздухѣ, наверху, носились бѣлыя чайки, то и дѣло погружаясь въ воду, чтобы полакомиться вкусной рыбкой, на ближайшей льдинѣ лежали три тюленя и лѣниво грѣлись на солнышкѣ, а дальше, въ океанѣ, виднѣлись опять фонтаны, свидѣтельствовавшіе о томъ, что поблизости находились и другіе киты.

Въ обыкновенное время киты остаются не долго на поверхности воды, они проводятъ тамъ минуты три—не больше и стремятся снова въ глубину; но теперь, когда ей приходилось кормить маленькаго, мать старалась оставаться подольше наверху, на солнышкѣ, и покидала поверхность только тогда, когда ей очень хотѣлось ѣсть, въ обычное время китъ мало заботится о своихъ врагахъ и совсѣмъ и не думаетъ о нихъ, но теперь, даже, въ то время, какъ мать, казалось, дремала, лежа на боку, она, на самомъ дѣлѣ, зорко слѣдила за всѣмъ, происходившимъ вокругъ и готова была забить тревогу при малѣйшемъ пустякѣ, казавшемся ей подозрительнымъ. Въ то время, какъ она лежала такъ, нѣжась на водѣ, то погружаясь немного въ воду, то показываясь снова своимъ огромнымъ туловищемъ, похожимъ на гору, она вдругъ увидѣла огромную бѣлую пушистую голову, съ небольшимъ чернымъ носомъ, разсѣкавшую воду неподалеко отъ нея; она прекрасно знала, что это только бѣлый медвѣдь, который никогда не отважится напасть на ея дѣтеныша и, тѣмъ не менѣе, въ своей материнской тревогѣ, ей даже не нравилось, что онъ находится поблизости отъ нея. Она повернулась къ нему бокомъ такъ, чтобы скрыть отъ него своего ре-

бенка и смотрѣла на него въ упоръ, съ злобной подозрительностью, но медвѣдь, даже, не взглянулъ на нее,—онъ направлялся къ тюленямъ, грѣвшимся на солнцѣ. Но вотъ онъ погрузился въ воду, нырнулъ глубоко и, черезъ довольно продолжительное время, вынырнулъ, вдругъ, у самой льдины и схватилъ одного изъ тюленей за горло въ ту минуту, какъ всѣ они собирались уйти въ воду.

Китъ презрительно отвернулся въ сторону, — что ему было за дѣло до тюленей, разъ дѣтенышъ его находился въ безопасности!

Но вотъ своими зоркими глазами онъ увидѣлъ вдали китобойное судно, медленно разсѣкавшее воду. Когда-то давно, на основаніи собственнаго опыта, онъ убѣдился въ томъ, что это странное существо, въ которомъ находятся другія маленькія, но крайне опасныя существа, является однимъ изъ самыхъ ужасныхъ враговъ всѣхъ китовъ; теперь она была такъ далеко отъ него, что беспокоиться ей было нечего, но, тѣмъ не менѣе, она зорко слѣдила за всѣми движеніями этого непонятнаго и страннаго чудовища. Вотъ она увидѣла, какъ оно подкрадывается къ одному изъ ея собратьевъ, лежавшихъ на водѣ и не подозрѣвавшихъ о грозящей имъ опасности. Изъ головы чудовища вырвалось, вдругъ, пламя, затѣмъ послышался раскатъ грома, и огромный китъ выбросился высоко въ воздухъ, и упалъ, затѣмъ, обратно въ море и судорожно сталъ биться въ немъ, такъ что на огромномъ разстояніи кругомъ вся вода покрылась бѣлой пѣной, но, вдругъ, онъ затихъ и его медленно и осторожно притянули къ страшному чудовищу, которое и потащило его за собой. Это невиданное зрѣлище наполнило ужасомъ сердце матери. Судорожно прижавъ грудь ребенка и защищая его плавниками, она бросилась вглубь океана и быстро поплыла на глубинѣ двухсотъ футь, направляясь подальше отсюда, подальше отъ этого ужаснаго чудовища.

Когда она, наконецъ, черезъ пятнадцать минутъ, снова выплыла на поверхность воды, кругомъ никого уже не было, она находилась за огромной ледяной глыбой, въ нѣсколько миль длиною. Но, тѣмъ не менѣе, она не была еще спокойна: подышавъ воздухомъ минуты двѣ и давъ немного передохнуть дѣтенышу, она снова нырнула въ глубину и поплыла дальше; этотъ маневръ она повторила, по крайней мѣрѣ, разъ шесть и только тогда успокоилась и снова легла на поверхности, чтобы покормить своего ребенка.

Совершенно неожиданно счастье улыбнулось ей, и она очутилась какъ разъ въ мѣстѣ, кишачемъ ея любимой пищей. Стальные волны океана были покрыты красноватымъ налетомъ; этотъ необыкновенный цвѣтъ волнъ объяснялся присутствіемъ миллиардовъ крошечныхъ рачковъ. Китъ, сейчасъ же, набросился на лакомое блюдо и медленно поплылъ впередъ, широко раскрывъ свою пасть. Время отъ времени онъ закрывалъ эту пасть, дѣлалъ одинъ, два глотка и въ маленькихъ глазкахъ его ясно можно было прочесть то наслажденіе, съ которымъ онъ глоталъ этихъ вкусныхъ малютокъ.

Но не только китъ любить полакомиться такимъ роскошнымъ блюдомъ, — воздухъ кругомъ кишѣлъ многочисленными птицами, дравшимися между собой изъ-за лакомой добычи. И огромныя рыбы, то-и-дѣло, показывались на поверхности и жадно хватили рачковъ.

Китъ только что собирался подумать о томъ, что не пора ли, наконецъ, кончить свой вкусный завтракъ, какъ вдругъ увидѣлъ въ глубинѣ длинный тонкій силуэтъ врага. Онъ хорошо зналъ этотъ ужасный силуэтъ, мчавшійся теперь къ его дѣтенышу, выдвинувъ впередъ свой острый, безошадный мечъ.

Несмотря на огромное, тяжелое тѣло, китъ обладаетъ большой ловкостью и проворствомъ. Быстро, какъ молнія, несчастная мать бросилась внизъ и очутилась между своимъ ребенкомъ и ужаснымъ врагомъ; она поспѣла какъ разъ во время—ударъ, предназначавшійся ей дѣтенышу и убившій бы его наповаль, пришелся теперь въ ея собственное тѣло.

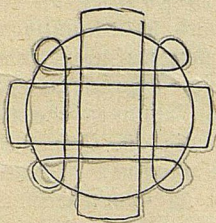
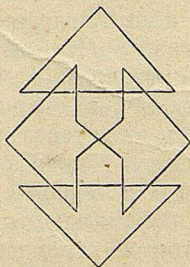
Быстро вытащивъ свое страшное оружие, рыба-мечъ ловко извернулась и бросилась впередъ, чтобы нанести второй ударъ, но предусмотрительная мать снова очутилась передъ ней, и страшный ударъ поразилъ ее въ бокъ. Движенія рыбы-меча были такъ быстры, что, казалось, она бросается отовсюду, китъ вертѣлся во всѣ стороны, судорожно прижимая къ себѣ перепуганнаго дѣтеныша. Тяжелые удары хвоста взбивали въ пѣну всю воду кругомъ. На нѣсколько ярдъ вокругъ вода кипѣла, какъ въ котлѣ.

Наконецъ, доведенная до бѣшенства, опасаясь за жизнь своего ребенка и истекающая кровью отъ собственныхъ ранъ, несчастная мать не выдержала и заревѣла на весь океанъ, какъ цѣлое стадо быковъ. На разстояніи трехъ миль кругомъ, всѣ птицы съ шумомъ поднялись въ воздухъ, все живое попряталось вглубь океана, тюлени быстро нырнули въ воду, а бѣлый медвѣдь, на берегу, поднялъ голову и тревожно прислушался.

Только рыба-мечъ не обратила никакого вниманія на этотъ отчаянный ужасный ревъ. Она снова бросилась впередъ, чуть было не попала въ дѣтеныша и, снова, своимъ острымъ мечомъ угодила въ огромное чрево бѣдной матери.

Но теперь бѣдняжка, казалось, лишилась разсудка. Придерживая испуганнаго дѣтеныша однимъ плавникомъ, она встала на голову въ водѣ и хвостомъ и всѣмъ тѣломъ стала бить воду бѣшеными ударами. Движенія ея смутили даже непріятели, онъ отплылъ нѣсколько въ сторону, приглядываясь къ новому маневру своей несчастной добычи, но потомъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, безшумной тѣнью скользнулъ внизъ и однимъ взмахомъ пронзилъ насквозь сердце дѣтеныша, который сразу же отпалъ отъ матери. Съ огромнымъ, еще трепещущимъ, тѣломъ на своемъ мечѣ, страшная рыба, въ одно мгновеніе, скрылась среди красноватыхъ волнъ, заполненныхъ рачками.

Цѣлую минуту, казалось, еще бѣдная мать, занятая собственными движеніями, не понимала въ чемъ дѣло и не подозрѣвала того, что произошло; потомъ она, наконецъ, успокоилась, появилась опять на поверхности и, вдругъ, снова заревѣла отчаяннымъ воемъ смертельно раненаго животнаго. Снова взлетѣли на воздухъ всѣ птицы, и снова бѣлый медвѣдь поднялъ голову и тревожно прислушался къ этому ужасному реву...

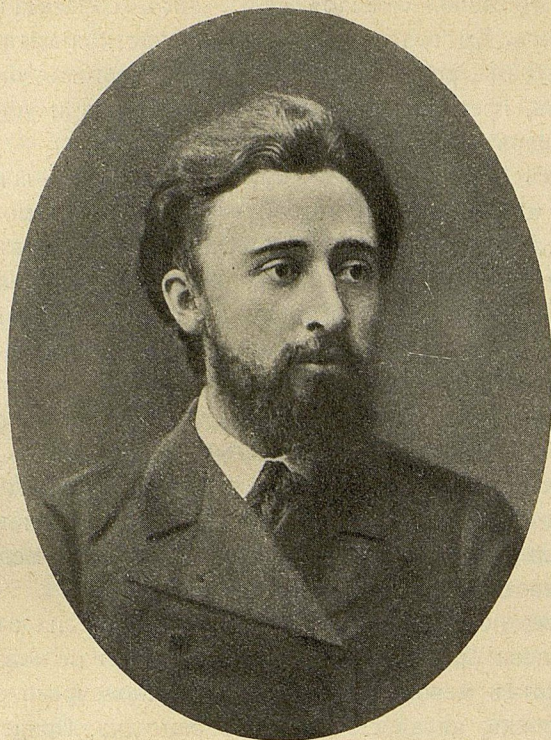

Черченіе фигуръ съ одного почерка.

Постарайтесь начертить обѣ фигуры съ одного почерка.

В. М. Гаршинъ
10 лѣтъ.

Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ.
Къ 25-лѣтію со дня смерти.

В. М. Гаршинъ
гим. асистъ 7 класса.

Памяти писателя-мученика.

25 лѣтъ тому назадъ, 17-го марта 1888 г. бросился съ 4-го этажа въ пролетъ лѣстницы своей квартиры еще совсѣмъ молодой, но уже выдающійся русскій писатель В. М. Гаршинъ. Его подняли разбитого, съ переломленной ногой. На вопросъ, очень-ли ему больно, умиравшій отвѣтилъ:

— Что значить боль въ сравненіи съ тѣмъ, что здѣсь! И онъ указалъ на сердце.

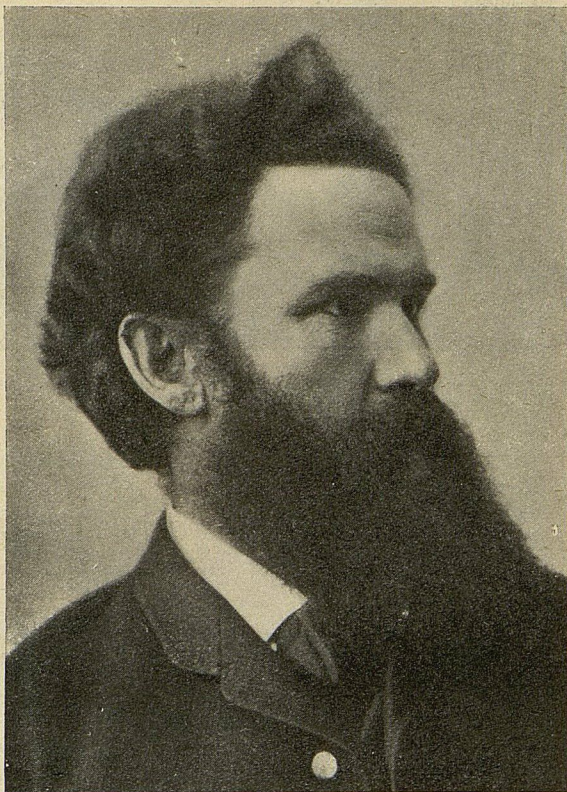
В. М. Гаршинъ родился 2-го февраля 1855 года въ дворянской семьѣ Екатеринославской губ. Девяти лѣтъ онъ поступилъ въ петербургскую гимназію, а по окончаніи ея въ горный институтъ. Ему не удалось кончить курса, такъ какъ по объявленіи турецкой войны онъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ дѣйствующую армію. Мотивы этого поступка нашли потомъ отраженіе въ разсказѣ «Трусъ», герой котораго, съ одной стороны, ненавидитъ войну, съ другой—считаетъ нечестнымъ оставаться въ безопасности въ то время, какъ гибнутъ другіе. Раненый въ ногу въ сраженіи подъ Аясляромъ Гаршинъ взялъ отставку и вскорѣ послѣ этого написалъ разсказъ «Четыре дня», въ которомъ протестуетъ противъ безмысленнаго человѣкоистребленія. Разсказъ обратилъ на себя общее вниманіе. Тургеневъ сразу призналъ въ Гаршинѣ несомнѣнный оригинальный талантъ. Гаршинъ всегда мечталъ о литературѣ и, ободренный успѣхомъ, посвятилъ себя ей. Онъ написалъ всего 17 разсказовъ,—но каждый его разсказъ является плодомъ сильнаго чувства и серьезнаго труда. Сознаніе своей отвѣтственности за чужія страданія и обязательность дѣятельной любви въ разсказахъ «Художники» и «Красный цвѣтокъ», стремленіе къ самопожертвованію, въ разсказѣ «Трусъ», мысль о необходимости борьбы со зломъ,—вотъ мотивы его произведеній.

Владиміръ Галактіоновичъ Короленко.

Къ 60-лѣтію со дня рожденія.

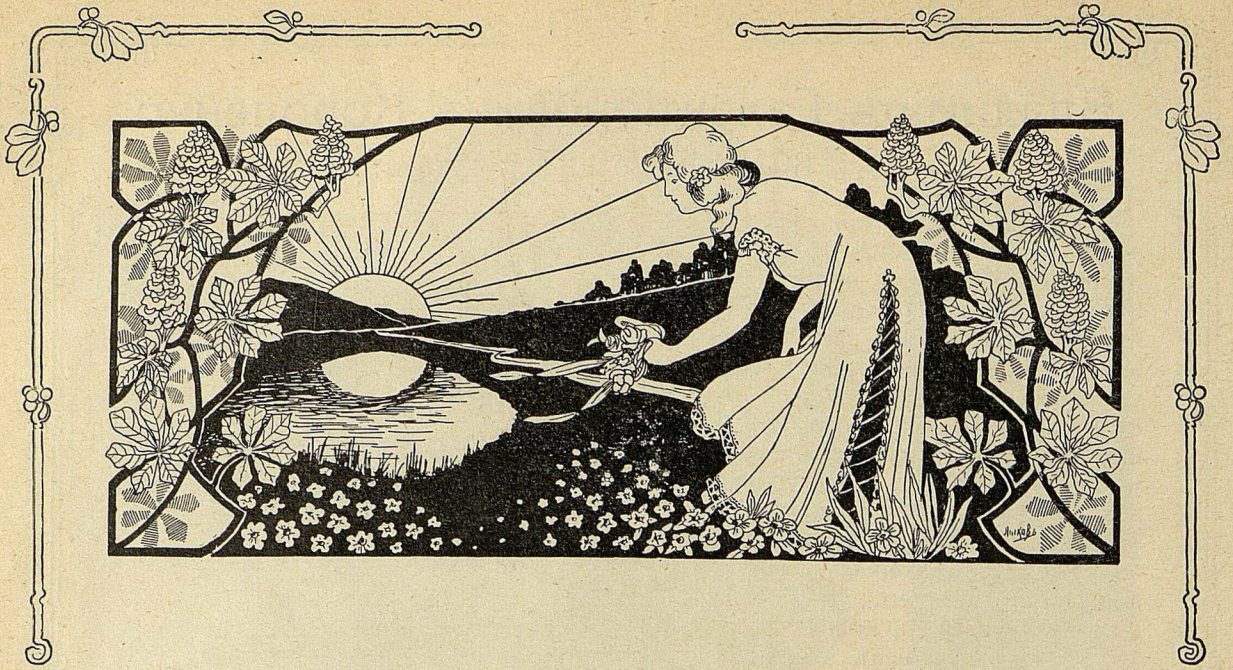
Владиміръ Галактіоновичъ Короленко родился 15 мая 1853 г. въ Житомирѣ. Дѣтство провелъ въ Волинской губ. На его нравственное развитіе сильное вліяніе оказалъ отецъ, отличавшійся безупречной честностью. Учился К. въ ровенскомъ реальномъ училищѣ. Окончивши курсъ въ этомъ училищѣ въ 1870 г. и поступивши затѣмъ въ петербургскій технологическій институтъ, К. очутился въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи (отецъ его умеръ еще когда К. учился въ Ровнахъ). Въ 1872 г. онъ перешелъ стипендіатомъ въ петровско-разумовскую академію, но курса въ ней не кончилъ, будучи уволенъ изъ нея за участіе въ одной студенческой демонстраціи. Послѣ этого онъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и живетъ тамъ, занимаясь корректурной работой. Проникнутый любовью ко всѣмъ угнетаемымъ и обездоленнымъ, выступая на борьбу съ тѣмъ, что казалось ему неправдой и зломъ, въ концѣ 70-хъ годовъ онъ подвергается за сѣри убѣжденія ссылкѣ на нѣсколько лѣтъ въ Вятскую губ., а изъ послѣдней въ 1881 г. переводится въ Якутскую область. Только въ срединѣ 80-хъ годовъ онъ получаетъ разрѣшеніе вернуться въ Европейскую Россію и поселяется въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ 1894 г. онъ совершаетъ путешествіе въ Америку. Въ срединѣ 90-хъ годовъ ему было позволено жить въ столицахъ. На литературное поприще К. выступилъ еще въ концѣ 70-хъ г. съ повѣстью «Эпизоды изъ жизни искателя», а затѣмъ лишь въ 1885 г. появился «Сонъ Макара», сразу создавшій К. громкое литературное имя. Потомъ слѣдовали: «Въ дурномъ обществѣ», «Лѣсъ шумитъ», «Въ подслѣдственномъ отдѣленіи», «Очерки сибирскаго туриста», «Соколинецъ», «Слѣпой музыкантъ», «За иконой», «Рѣка играетъ», «На солнечномъ затменіи», «Въ голодный годъ», «Прохоръ и студенты», «Тѣни», «Судный день», «Безъ языка», «Въ пасмурный день», «Необходимость», «Маруся» и друг. Въ мартѣ 1900 г. К. избранъ въ почетные члены Академіи Наукъ по разряду изящной словесности. Ни одно литературное имя, послѣ смерти великаго русскаго писателя гр. Л. Н. Толстого, не пользуется въ Россіи такимъ глубокимъ, заслуженнымъ уваженіемъ, какъ имя Владиміра Галактіоновича Короленко, и когда вы, дѣти, ознакомитесь съ его рассказами, — рассказами того, кто живетъ любовью къ народу и съ трепетомъ сердца ждетъ зарю обновленія нашей жизни, вы не забудете этого дорогого имени.

Пожелаемъ-же еще много лѣтъ жизни тому, кто учитъ насъ любить ближняго, какъ самого себя, кто своимъ могучимъ талантомъ украшаетъ дорогу намъ родину.

Владиміръ Галактіоновичъ Короленко.

Н. К-й.

Да здравствуеѣтъ блаженство знанья!

Слова В. Александрова.

Музыка А. Меркера.

Allegro marziale.

ГОЛОСЪ.

ФОРТЕПИЯНО *f* *risoluto.* *rall.*

1. Ско-ва-ла ночь мно-го счастья и бѣды. Засну-ло
 2. Неъбла-го-дат-ныхъ та-кихъ у-гол-новъ Ни-ско-дать.

p *sfz*

го-ре безпеч-ность и ску- - ка... Но лишь въ од-номъ окнѣ мерца-етъ
 сча-стье на жизнь че-ло-вѣ- - ка. О-но такъ бы-ло во вѣ-ки вѣ-

sfz

cresc. e riten.

свѣтъ... Отрад- ный свѣтъ! тамъ заждется на - у - ка.. Отрад- ный
новъ И бу - деть такъ отъ вѣ - ка и до вѣ - ка. И бу - деть

cresc. e riten.

morendo. *cresc. un poco.*

свѣтъ! тамъ заждется на - у - ка! Тамъ чест - ной ра - дости при -
такъ отъ вѣ - ка и до вѣ - ка! Намъ ихъ - ро - бот- ни- ки да -

morendo. *cresc. un poco.*

ють, Тамъ жизнь любви и у - по - вань - я... Да здрав - ствуетъ разумный
ють Безсмертныхъ истинъ об - ла - дань - е... Да здрав - ствуетъ разумный

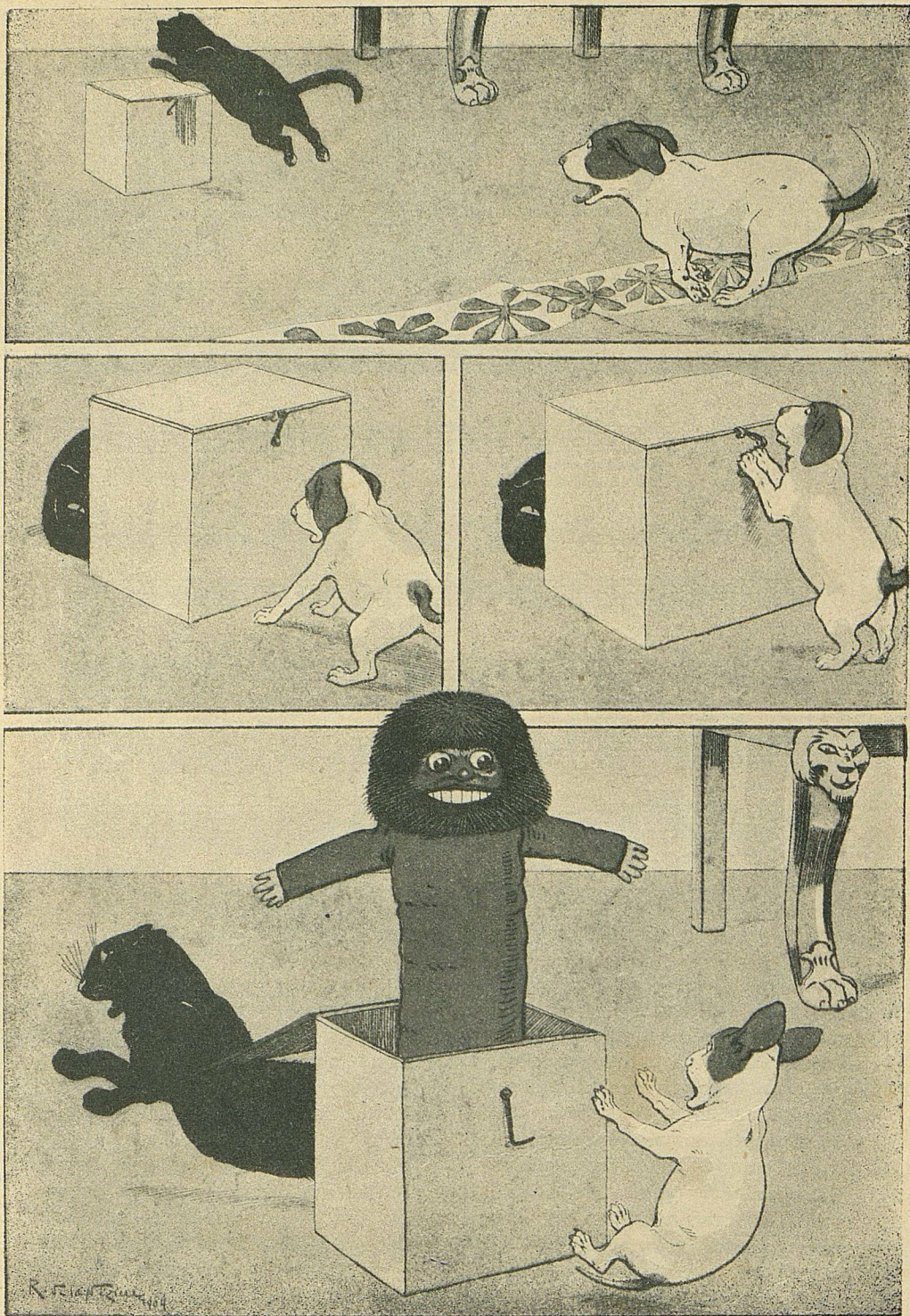
трудъ! Да здравствуетъ разумный трудъ! Да здравствуетъ блаженство знанья - я.

Да здравствуетъ блаженство знанья!

Сковала ночь много счастья и бѣдъ,
Заснуло горе, безпечность и скука...
Но лишь въ одномъ окнѣ мерцаетъ свѣтъ...
Отрадный свѣтъ! — тамъ зиждется наука.
Тамъ честной радости приютъ,
Тамъ жизнь любви и упованья...
Да здравствуетъ разумный трудъ!
Да здравствуетъ блаженство знанья!
Изъ благодатныхъ такихъ уголковъ
Нисходитъ счастье на жизнь человѣка...
Оно такъ было во вѣки вѣковъ —
И будетъ такъ отъ вѣка и до вѣка.
Намъ ихъ работники даютъ
Безсмертныхъ истинъ обладанье...
Да здравствуетъ разумный трудъ!
Да здравствуетъ блаженство знанья!

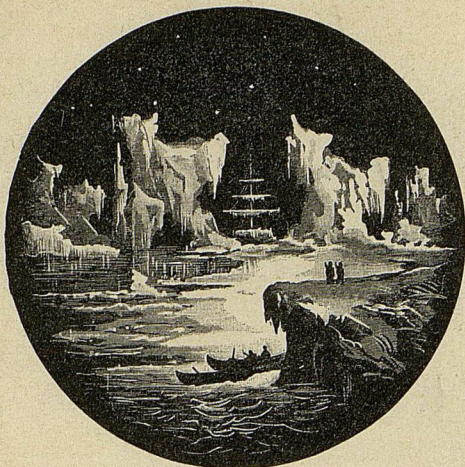
Народы массами время сотреть,
Сотреть ихъ блескъ, и невзгоды, и муки, —
И жизнью множество въ вѣчность сойдетъ,
Но не умретъ могучій свѣтъ науки...
Ее одну передадутъ
Потомкамъ предки въ достоянье...
Да здравствуетъ разумный трудъ!
Да здравствуетъ блаженство знанья!
Пусть невѣжество гнетомъ своимъ
Кладетъ оковы на разумъ народный,
Они мгновенно рушатся предъ нимъ,
Когда блеснетъ науки лучъ свободный...
И нравы грубые падутъ
Предъ властью кроткаго сіянья...
Да здравствуетъ разумный трудъ!
Да здравствуетъ блаженство знанья!

Веселая страничка.

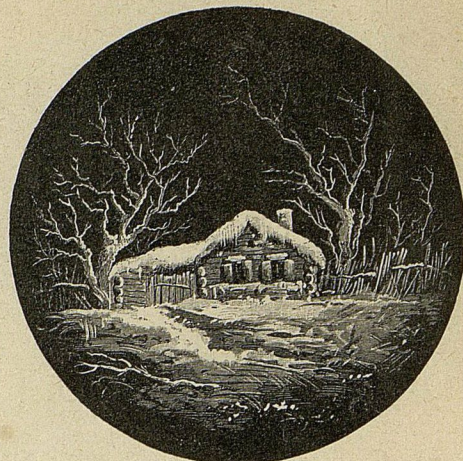

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА ИЛИ НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ.

Разказъ безъ словъ.

ЛЪДЫ.

ЗИМА.

Рисованіе на копотѣ.

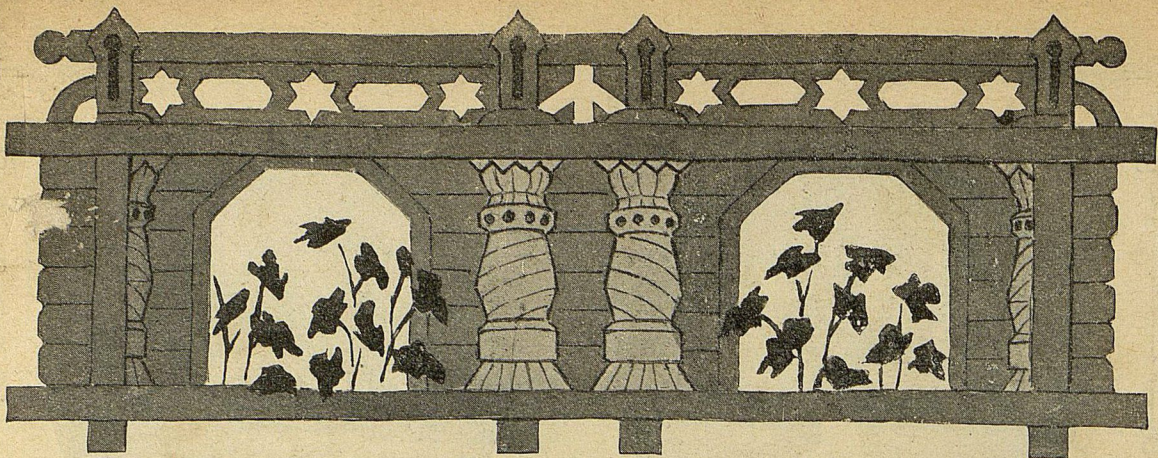
Нужно выбрать бѣлую, гладкую, небольшую тарелку, двѣ или три мягкія кисточки разной величины, и нѣсколько палочекъ изъ твердаго дерева; одни изъ нихъ очините остро, какъ карандашъ, а другія сдѣлайте въ видѣ лопаточекъ.— Но самое важное умѣть коптить тарелку. Проще всего приспособить къ дѣлу обыкновенную спиртовую лампочку, въ которую со спиртомъ слѣдуетъ влить немного чистаго скипидару.

Приготовивъ все необходимое, вы зажигаете лампочку и, взявъ тарелку, сначала держите ее надъ лампой высоко, чтобы только нагрѣть, затѣмъ опускаете ее на пламя и дѣлаете надъ пламенемъ ровное и спокойное движеніе, причѣмъ на ней получается легкая полоса копоти; такимъ образомъ закапчиваете всю тарелку. Когда тарелка слегка накопчена на (первый разъ возьмемъ рисунокъ «Зима»), вы берете острую палочку и по копоти рисуете контуръ избушекъ, стволы и сучки деревьевъ. Потомъ берете плоскую палочку и начисто счищаете избушки, оставляя темными окна и землю. Затѣмъ берете мягкую кисточку и слегка смахиваете все копченіе; у васъ остается легкій тонъ копоти, на которомъ бѣлымъ силуэтомъ обозначены избушки. Теперь остается снова, какъ и въ первый разъ, слегка закоптить тарелку снятъ маленькою кисточкою мѣста, гдѣ нужно сдѣлать полутѣни и снять палочками мѣста болѣе свѣтлыя; затѣмъ коптите третій и четвертый—каждый разъ работая то кисточками, то палочками. Въ послѣдній разъ вы снимаете палочками только тѣ мѣста, гдѣ нуженъ самый сильный свѣтъ. Самыя черныя мѣста, какъ, напримеръ, окошки или фигурки и лодочки и корабли на рисунокѣ «Льды», можно исполнить копотью, но вы рискуете закоптить вмѣстѣ съ ними мѣста уже оконченныя и тѣмъ затруднить работу; поэтому лучше разведите густо китайскую тушь и маленькою кисточкой сдѣлайте черныя мѣста и точки. Звѣздочки на небѣ можно сдѣлать иглою; иглою же дѣлаютъ и самыя мелкіе сучки.

Когда рисунокъ копотью оконченъ, то его необходимо укрѣпить.

Возьмите для этой цѣли $\frac{2}{3}$ маслянаго лаку, употребляемаго для картинъ и $\frac{1}{3}$ чистаго скипидару и смѣшайте вмѣстѣ. Тарелку съ рисункомъ нужно слегка нагрѣть на лампѣ и потомъ налить на нее аккуратно смѣсь лаку и скипидару, наблюдая, чтобы лакомъ была облита вся поверхность рисунка. Достигнувъ этого, поставьте тарелку на ребро, чтобы лакъ стекъ ровно и тарелка высохла. Я думаю излишне замѣчать, что закопченные края тарелки должно аккуратно вытереть мокрою тряпкою и тогда уже обливать ее лакомъ.

1913 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Выпускъ 5-й.

	Стр.
Весна. Стихотвореніе С. Михѣева.	140
Кладь. Разказъ С. И. Гусева-Оренбургскаго.	141
Принцесса-звѣздочка. Стих. Ю. Зубовскаго.	148
Въ саду. Разказъ М. Розенкнопа.	149
Нищя. Разказъ Наталіи Грушко.	152
Молодость. Стих. П. Уральскаго.	156
Сирота. Стих. А. Тисленко.	156
Себялюбивый великанъ. Сказка О. Уайльда. Пер. Л. Андрусона.	157
Исторія маленькаго кита. Разказъ Ч. Робертса. Переводъ В. Магской.	160
Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ. Памяти писателя-мученика.	164
Владиміръ Галактіоновичъ Короленко. Къ 60-лѣтію со дня рожденія	165
Да здравствуетъ блаженство знанья! Ноты. Слова В. Александрова. Му- зыка А. Меркера.	166
Веселая страничка.	168
Рисованіе на копоті. Статья И. П.	169

КАРТИНЫ: Не сорвались! Картина Висковскаго, исполн. красками.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Игры и забавы. Сборникъ. 2. Живчикъ. Маленькій фокусникъ.
3. Веселый задачникъ.

РЕБУСЪ

7 пуд.
3 фун.
2 зол.

СТА
ВЫ

ЛЯ
СЯ

А
ПЕР

КОМ
ТУ

ОР
А
СЯ

шля
ТОВ

НЯГО

а И
ОР
ДА
РО

ИСТУЖ